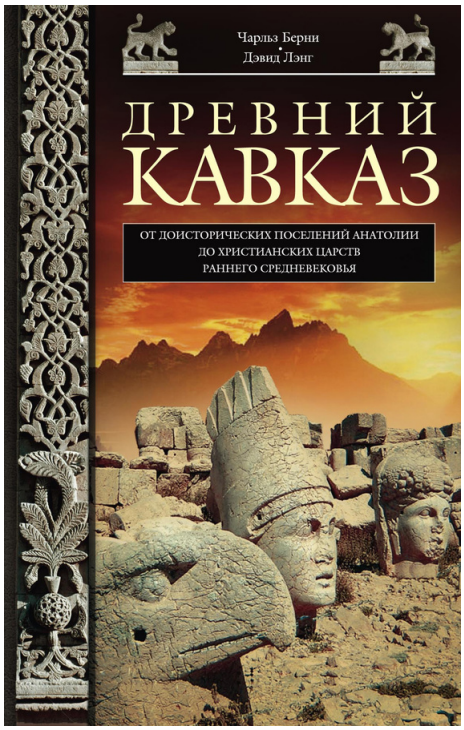

Чарльз Берни
Дэвид Лэнг
ДРЕВНИЙ
КАВКАЗ
ОТ ДОИСТОРИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ АНАТОЛИИ
ДО ХРИСТИАНСКИХ ЦАРСТВ
РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Дэвид Лэнг

Древний Кавказ. От доисторических поселений Анатолии до христианских царств раннего Средневековья

«Центрполиграф»
2016

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)31

Лэнг Д. М.

Древний Кавказ. От доисторических поселений Анатолии до христианских царств раннего Средневековья / Д. М. Лэнг — «Центрполиграф», 2016

Настоящая книга посвящена Кавказу – региону, который был местом процветания целого ряда древних культур. Ее авторы, Чарльз Берни и профессор Дэвид Лэнг, последовательно рассказывают об археологии и искусстве, природе и архитектуре, литературе и науке христианских цивилизаций Восточной Турции, Армении и Грузии. Большое внимание они уделяют истории царства Урарту, соперника Ассирии, прослеживая ее от одного царя к другому, анализируя материалы, полученные в многочисленных экспедициях, поставив перед собой цель представить широкому читателю сравнительно малоизвестные стадии развития жителей Анатолийского плато.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)31

© Лэнг Д. М., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Предисловие 6
Глава 1 7
Глава 2 17
Глава 3 39
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Чарльз Берни, Дэвид Маршалл Лэнг Древний Кавказ. От доисторических поселений Анатолии до христианских царств раннего Средневековья

© ЗАО «Центрполиграф», 2016

* * *

Предисловие

Подзаголовок настоящей книги указывает, что авторы поставили перед собой задачу проследить последовательные стадии развития – от доисторического периода до цивилизации – обитателей нагорий от верховья Евфрата до Кавказа и озера Резайе (Урмия). В одни периоды увидеть глубинное единство этой территории просто, в другие – намного сложнее. И современные политические границы, обозначенные на карте 1, не облегчают задачу. В главе 2 ввиду недостаточности материала, касающегося горных местностей, в период до 3000 г. до н. э. взят более широкий географический горизонт – с включением Анатолийского плато.

Эту книгу следует считать введением к более широкому исследованию предмета и попыткой заполнить пробелы, слишком часто разделяющие доисторическую эпоху, ассириологию и урартологию, греко-римскую историю и изучение Армении и Грузии в первые века христианской эры. Специалисты в каждой из указанных областей, разумеется, всегда разочарованы отсутствием подробностей, способных удовлетворить их узкие запросы. Если текст этой книги и примечания хотя бы чем-то им помогут, авторы могут считать одну из своих целей достигнутой. Другая цель – рассказать о сравнительно малоизвестном аспекте древней истории и раннего Средневековья широкой публике.

Необходимо подчеркнуть, что иллюстрации и карты призваны подтвердить и оживить приведенные в тексте аргументы и никоим образом не претендуют на создание всеобъемлющей полноты картины.

Глава 1
Окружающая среда

Анатолию часто называют мостом, соединяющим Ближний Восток и Европу, но это плато имеет гораздо большее значение. Кавказский хребет является одновременно барьером и своеобразной «трубой» между степями юга России и гористой местностью Ближнего Востока. Именно эта территория, в первую очередь Восточная Анатолия и бассейн Урмии в Северо-Восточном Иране, а также Закавказье, составляет предмет данного издания. Краткое или поверхностное изложение не может обеспечить адекватного понимания физической географии регионов, однако восприятие их прошлого невозможно без такого понимания. Во время определенных периодов зона от Кавказа до озера Урмия и западнее – до верховья Евфрата – характеризовалась культурным, а временами и политическим единством, которое оправдывает географические рамки этой книги. В другие временные промежутки подобная связь не просматривается.

Геология всегда присутствует перед глазами путешественников по Анатолии и Ирану, где голые и разрушенные эрозией горные склоны обнажают камни самых разных цветов. Это, в первую очередь, характерно для центрального Анатолийского плато, восточной части бассейна Урмии, долины Аракса и значительной части Азербайджана. Но так было не всегда, и одной из важнейших задач исследователя Древнего Ближнего Востока является использование всех доступных свидетельств, хотя и с осторожностью, для реконструкции окружающей среды более раннего периода[1]. Данный труд включает материалы, датированные вплоть до 7000 г. до н. э., если, конечно, верить радиоуглеродному анализу. Эти даты имеют согласующийся характер. Последующие тысячелетия стали свидетелями изменений климата и окружающей среды: человеческая деятельность наложила отпечаток на ландшафт. Меры, принимаемые современными правительствами по сохранению лесов, слишком запоздали, чтобы дать ощутимый результат, хотя многие сочтут такую оценку слишком пессимистичной. А тем временем эрозия, начавшаяся из-за веков бездумной вырубки лесов, продолжается.

Количество атмосферных осадков, выпадающих на Анатолийском плато, не так велико и неравномерно распределяется по году. Сезон дождей – с марта до середины мая. Существуют также значительные колебания в числе осадков от года к году. Поэтому некоторые районы, где в одни годы созревает хороший урожай, в другие – становятся практически непригодными для земледелия. Это в первую очередь характерно для центральной части Анатолии, где недавнее расширение пашен с использованием тракторов и глубокой пахоты привело к увеличению риска пыльных бурь и ветровой эрозии[2]. Но подобных условий не могло быть в доисторические времена, да и в наше время они присутствуют лишь на части Анатолийского плато. Во всех прибрежных регионах, на нагорьях Восточной Анатолии и в Закавказье годовое количество осадков выше, чем в Центральной Анатолии, а значит, растительность и общая экология тоже другие. Только в Иранском Азербайджане, что вокруг озера Урмия, условия сравнимы с засушливыми районами Турции.

Горные территории к востоку от Евфрата, считающиеся частью Ближнего Востока, испытывают сезонные колебания температуры, более характерные для Центральной Азии.

---

[1] K.W. Butzer, “Physical Conditions in Eastern Europe, Western Asia and Egypt, before the period of agricultural and urban settlement etc.”, CAH fasc. 33. 1965, а также: *Quaternary Stratiography and Climate in the Near East*, Bonn, 1958, того же автора.

[2] (a) K.W. Butzer, *Environment and Archeology: an Introduction to Pleistocene Geography,* Chicago, 1964; London, 1965; (b) W.C. Brice, *South-West Asia: a Systematic Regional Geography,* vol. VIII, London, 1967; там же приводится общая информация о Турции.

Большая часть этой земли находится в зоне критического предела зимних температур. Если говорить о среднесуточных температурах, в среднем в году бывает около 30 морозных дней. В районе Карса, Эрзурума и Вана зима длиннее и холоднее, а лето, умеренно теплое, длится не более трех полных месяцев начиная с середины июня. На черноморском побережье климат морской с осадками круглый год, а ближе к юго-восточной оконечности Черного моря почти субтропический. Роскошь и изобилие этого региона превосходит лишь южный берег Каспийского моря. Буйная растительность тянется в Абхазию и, в меньшей степени, в центральную часть Грузии. Тавр (Торосские горы) обеспечивают естественную границу на севере для зимних атлантических штормов и быстрого распространения весны на восток через Средиземное море и Сирию. Аналогичный контраст наблюдается в районе Байбурта, по пути из Трабзона в Эрзурум, где плато залито жаркими солнечными лучами в июле и августе, но облака с Черного моря на севере достигают гребня горного хребта и даже преодолевают его. Лето здесь заканчивается вторжением холодных влажных ветров с севера, которые со временем приносят снег. То же самое происходит в Азербайджане, особенно к северу от озера Урмия, где самые большие в мире перепады температур от зимы к лету. Хотя, так же как в районе озера Ван, присутствие крупной массы воды не может не оказать хотя бы небольшого смягчающего влияния на континентальный климат.

Хочется сделать попытку реконструировать естественную окружающую среду последних девяти или даже десяти тысячелетий. При этом основным источником являются сегодняшние физические условия, за исключением тех, что уже изменены человеком. По данным палеоклиматологии представляется очевидным, что во время последнего оледенения предельная линия распространения снежного покрова была на 2700 футов (800–850 м) ниже (местами – на 2000 футов (600 м)), чем сегодня. Этому соответствовала альпийская растительность в горных районах Восточной Анатолии и Кавказа (луга, кустарники) и отдельные ледники. Две радиоуглеродные датировки показывают, что лёсс перестал отлагаться около 9000 г. до н. э. Это означает, что сухие северные ветры, дувшие во время ледниковых периодов из степей Евразии, не были господствующими. В послеледниковые времена климатические условия на Ближнем Востоке, судя по всему, не сильно менялись[3].

Сравнительно небольшие климатические изменения могли иметь непропорционально обширное влияние на климат региона в целом. Особенно это касается роста и уменьшения озер. Такие перемены могли повлиять на озеро Урмия (его глубина сегодня нигде не превышает 100 футов (30,5 м)), которое имеет большие участки мокрых солончаков весной. На Анатолийском плато есть обширные дренажные системы – в районе Коньи, Соленого озера и на водосборных площадях озер вдоль северного подножия Тавра. Существуют свидетельства, поддерживающие теорию о том, что там в ранний послеледниковый период располагались крупные озера, впоследствии радикально уменьшившиеся или исчезнувшие совсем. Следствие – аллювиальные отложения[4]. Такие обширные массы воды предполагают более низкое испарение, чем в наши дни, соответствующее более низкой средней температуре. Их влияние на климат, вероятно, было весьма значительным. Однако только небольшого уменьшения количества осадков и подъема средней температуры оказалось достаточно, чтобы осушить земли, ранее находившиеся под водой постоянно или сезонно. При падении годового числа осадков ниже 12 дюймов (30,5 см) прекращается рост даже деревьев, корни которых уходят глубоко, вызывая к жизни еще один фактор, способствующий засухе и эрозии. Таким образом, современные условия, существующие на большей части Центральной Анатолии, возможно, могли сформироваться очень быстро. Равновесие

[3] H. Wright in R.J. Braidwood, B. Howe, *Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan,* SAOC no. 31, Chicago, 1960. P. 71–97.

[4] H.R. Cohen, Öğüz Erol, “Aspects of the Palaeogeography of Central Anatolia”, *The Geographical Journal.* 135 (3). September. 1969. P. 388–398.

между засушливостью и достаточным для роста деревьев количеством осадков, между полупустыней и степью, и условиями, пригодными для примитивной обработки почвы, на Ближнем Востоке всегда было тонким и слишком слабым, и уж точно в послеледниковый период. Это хрупкое равновесие не могло не повлиять на распространение лесов на большей части Анатолии и Кавказа, хотя в горных районах, вероятно, главными причинами обезлесивания и последующей эрозии все-таки стали вырубка деревьев и содержание на подножном корму коз. Начавшись, этот процесс имеет тенденцию к ускорению, поскольку почва утрачивает способность удерживать влагу и больше не скрепляется со склонами горы корнями деревьев, кустарников и трав. Археологические свидетельства, такие как находка оленьих рогов в районе хеттской столицы Богазкёй (Хаттусас), указывают на существование лесов, которые не сохранились до наших дней. Еще более явное свидетельство – большой диаметр и огромное количество бревен, используемое в таких сооружениях, как сгоревший дворец Бейджесултана, слой V, что на юго-западе Анатолии[5]. Деревянные каркасные конструкции, до сих пор широко использующиеся в горных районах Ближнего Востока, отличает заполнение пространств между балками глинобитными кирпичами или камнями в глине. Но размеры современных бревен представляются очень скромными в сравнении с теми, из которых строились доисторические здания. И самым распространенным деревом считается тополь, который быстро растет вдоль берегов рек и водоемов. Одним из самых впечатляющих сохранившихся памятников, подтверждающих богатый плотницкий опыт древних жителей Анатолии, является деревянная погребальная камера в Гордионе, открытая в 1957 г.[6] Все сказанное подводит нас к одному общему выводу: леса, которыми была покрыта значительная часть Анатолии и, вероятно, также гор Загрос, за последние три или четыре тысячелетия сильно уменьшились, особенно явно после эллинистического периода. Вдоль Понтийских хребтов и на Кавказе, однако, леса уцелели. Они растут в зоне, где выпадает намного больше осадков, чем на ныне лишенном лесов Анатолийском плато и в бассейне Урмии.

Модели поселений в горах, сохранившиеся на протяжении продолжительных периодов, а также особенности пахотного земледелия, овцеводства и скотоводства почти нигде не изучались – за исключением Советского Союза. Прямые свидетельства – найденные во время проведения раскопок кости животных – являются самыми осязаемыми критериями, без которых теории эволюции и изменения моделей горных поселений беспочвенны. Изучая кости животных доисторических культур, советские археологи достигли больших успехов, в первую очередь в Закавказье[7].

Палеоботаника обеспечила нас свидетельствами, пролившими свет на процесс раннего выращивания пшеницы (двузернянки и однозернянки) и двухрядного ячменя, с последующими мутациями, результатом которых стало улучшение «сорта», но проблема исходных географических источников диких зерновых культур, найденных при раскопках ранних поселений, все еще ожидает решения. Представляется, что ничего не изменится, пока не будет разработана посвященная такой задаче обширная программа ботанических исследований[8]. И если наличие дикой пшеницы далеко на востоке, в том числе в Афганистане, может считаться признаком существования по крайней мере одного очага раннего земледелия в тех местах, то отсутствие до настоящего времени найденных античных поселений, сравнимых с Чатал-Хю-юком, что в районе Коньи, не говоря уже об Иерихоне, снижает

[5] S. Lloyd, J. Mellaart, *Beycesultan* II, London, 1965.

[6] R.S. Young, “The Gordion Campaign of 1957: Preliminary Report”, AJA 62. 1958. P. 139–154.

[7] B.B. Piotrovskii, The Aeneolothic Culture of Transcaucasia in the Third Millennium BC, *Sixth International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences,* Reports, Moscow, 1962.

[8] (a) Hans Helbaek в *Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan.* P. 99–118; (b) Helbaek, “Commentary on the Phylogenesis of Triticum and Hordeum”, *Economic Botany* 20. 1966. P. 355; (c) Jane Renfrew, “A Note on the Neolithic Grain from Can Hasan”, AS XVIII, 1968. P. 55–56.

значимость этих открытий. Остатки незлаковых растений очень важны для ученых. Анализы пыльцы используются не только для сравнительной хронологии и палеоклиматологии, но также для подробного описания флоры конкретного поселения.

Считается, что любое поселение должно находиться возле надежного источника воды – реки, озера или ключа, причем последние в большом почете у сегодняшних анатолийских крестьян, которые удивительно привередливы к качеству питьевой воды. Иллюстрация тому – популярный рассказ о железной двери, за которой оказалась серебряная дверь, за ней – золотая, и только потом – холодная вода. Кто сказал, что их предки, пусть даже во времена неолита, не ценили чистые холодные источники? Их важность в религии доисторической Анатолии, в которой почиталось много божеств, связанных с источниками питьевой воды, предполагает, что такое отношение преобладало по крайней мере во 2-м тыс. до н. э. Поскольку такие ключи чаще находят по краям окруженных горами долин (а не в их центре), там и строили поселения.

Помимо воды, местоположение ранних населенных пунктов определяли примитивные земледелие и скотоводство, а также охота. В более поздние периоды, особенно в железном веке, необходимость в обороне одного поселения или нескольких часто приводила к строительству на горных уступах или возвышенностях с максимальным использованием естественных средств защиты. Почти во всех обнаруженных подобных пунктах производились гончарные изделия, иногда при раскопках находили и другие предметы, указывающие на железный век. В целом в Анатолии было больше преемственности при переходе от начала 1-го тыс. до н. э. в более поздние века, в эллинистический и римский периоды, чем от позднего бронзового века к железному, когда во многих регионах произошли большие изменения в распределении и структуре мест обитания. В некоторых частях Анатолии, однако, поверх холмов, образованных ранними поселениями, находили слои железного века такого размаха и глубины, что раскопки нижних слоев оказывались нецелесообразными по затратам, времени и усилиям. Часто такие холмы имеют плоские вершины, но крутые склоны, что предполагает существование фортификации. Контраст с такими холмами являют собой другие, едва поднимающиеся над уровнем окружающей равнины, которые обычно занимали только один период, а затем люди их окончательно оставляли. Обычно напластованные слои таких поселений продолжаются на некоторую глубину ниже современного уровня равнины: аллювиальные отложения могут накапливаться очень быстро, пример – Хасилар. Поэтому должно существовать много, возможно, очень много доисторических холмов, полностью погребенных под последующим слоем аллювиальных отложений. Вероятно, они надолго, если не навсегда, останутся необнаруженными. Допустимо выдвинуть гипотезу, что большая их часть относится к 4-му тыс. до н. э. или к более раннему периоду. Следует отметить неполноту и незавершенность многих исследований. Древние поселения особенно трудно обнаружить в лесистых горах, хотя в некоторых регионах они находились почти повсюду, причем с самых ранних времен. К примеру, было найдено очень мало (если не сказать, вообще ничего), что относилось бы к доклассическому периоду, вдоль понтийского побережья, к востоку от районов Самсун и Бафра, хотя из-за легкого доступа из Центральной Анатолии доисторические поселения там более чем вероятны. На плодородной земле вдоль Черноморского побережья Турции следы древних мест обитания, вероятно, были погребены под более поздними слоями или смыты. В Абхазии главными памятниками являются не места доисторических поселений, а каменные гробницы – дольмены. Летние стоянки на горных пастбищах, вроде тех, что называют *яйла* в современной Турции, тоже, вероятно, очень трудно обнаружить. Зато легко заметить горные крепости, такие как в Урарту вокруг озера Ван. Их положение, как правило, предсказуемо – на уступах, нависающих над равниной. Они имели постоянную функцию – оборонительную. Но на недо-

ступных горных вершинах обычно находят только самые грубые подобные сооружения. Их строили для временного использования – как убежища. Многие горные памятники еще ждут энтузиастов-археологов, готовых тратить время и энергию, получая лишь минимальные результаты. Археолог, ведущий изыскания, должен быть готов найти поселения самых разных типов, относящиеся к различным периодам, в зависимости от характера местности. Ни одно исследование не может считаться исчерпывающим, и в районах, где предварительная разведка уже была проведена, следует продолжать более тщательную работу. Социальная антропология может помочь найти ответы на вопросы, касающиеся структуры поселений, возникавших во время последовательно сменявших друг друга культурных периодов. Однако без подтверждающих это письменных документов ответы могут быть только предположительными.

Не только местные условия – источники питьевой воды, почва, растительность, фауна и климат – влияли на зарождение и развитие деревень и городов. Также нельзя забывать о часто не ощутимом в уцелевших записях влиянии контактов с другими поселениями, расположенными по соседству и далекими. Такие контакты зависели от естественных путей, проходивших через горные хребты, долины и равнины Анатолийского плато, а также от бассейна Урмии, Закавказья и других естественных преград. Неудивительно, что многие современные шоссе находятся там, где когда-то пролегали доисторические пути. Перевалы через Тавр, к примеру, вероятно, всегда находились на определенных местах – как Киликийские Ворота, которыми пользовался еще Александр Великий. Восточнее располагается дорога Малатья-Мараш, соединяющая восточные нагорья с Киликией и Амуком. Кавказ в центре пересекает Дарьяльское ущелье. Перевал Зигана через менее значительный Понтийский хребет также очень важен, хотя нет доказательств, что этим путем пользовались до Ксенофонта[9]. Однако речные долины в высокогорной зоне являлись скорее барьерами, чем водными путями, из-за опасных по рогов и быстрин, препятствовавших навигации, а также сезонных колебаний уровня воды. Такие реки, как Кызыл-Ирмак (Кызылырмак, античный Галис, Красная река) и Сейхан (Пирамос), текущие в Черное и Средиземное моря соответственно, никоим образом не способствовали общению между людьми. В верховьях Евфрата, на северной образующей его реке – Карасу, и после слияния с южной – рекой Мурат, много порогов. Кура и Аракс тоже слишком опасны для навигации, хотя по их долинам были проложены сухопутные пути. Существовали пешие маршруты и по долине Мурата – их использовали некоторые ассирийские цари во время походов к центру Урарту[10]. Если не считать крупных озер, горные районы не предоставляют больших возможностей для развития навигации[11], да и на побережьях Турции мало естественных гаваней. Передвижение по горному плато во многих направлениях долгое время оставалось сравнительно удобным, хотя ему, вероятно, препятствовали леса и кустарники.

К востоку от Северного Евфрата (Карасу) общая высота увеличивается с запада на восток и горные хребты сближаются, сохраняя преимущественно направление восток – запад, так что такое передвижение было легче, чем с севера на юг. Есть только два естественных маршрута через Восточную Анатолию: северный – от Догубаязита через Каракёсе (Агры) в Эрзурум, а оттуда через горную цепь в Сушехри и через еще один высокогорный проход в Сивас и на центральное плато, и южный – от северной оконечности озера

[9] Xenophon, *Anabasis,* Bk IV, chr. vii.

[10] ARABI, par. 236–237, 584, 604, 785.

[11] (a) Ссылки на хеттские тексты дает J. Garstang, O.R. Gurney, *The Geography of the Hittite Empire,* London, 1959. P. 33–36. Они связаны с городом Самуха, что в верховьях Галиса (Кызыл-Ирмак, Красная река), недалеко от Зары, где река невелика; (b) Свидетельство навигации на озере Ван – надписи Сардури I в этом регионе, *Handbuch* I. P. 37 (1 a – c); (c) Об озере Урмия писал Страбон. См.: *Geography,* Bk XI, par. 1–3.

Урмия через долину Котура до озера Ван, оттуда через или вокруг него и далее через Муш и долину нижнего Мурата к переправе через Евфрат и в Малатью. Из этого города есть путь на юго-запад – в Мараш и к Средиземному морю, еще один – на запад в Кайсери, и третий – на северо-запад в Сивас. Еще более важное место в истории миграций с востока и северо-востока занимает северный путь, с которым в Хорасане, в 35 милях (56,3 км) к востоку от Эрзурума на верхнем Араксе, соединяется маршрут с северо-востока через Карс, идущий из Грузии. Из Аскале (Ашкале), что в 25 милях (40,2 км) от Эрзурума, идет путь через Байбурт, главную в Средние века сельджукскую крепость в Гюмюшхане, и оттуда через перевал Зигана к Черному морю (Трабзон). Самый легкий путь к южному берегу Черного моря – с центрального плато через Чорум к берегу в Самсуне. Есть несколько других маршрутов, например через Шебинкарахисар, но они по большей части тяжелые. До бассейна Урмии относительно просто добраться из Закавказья. Он находится наискось от пути последовательных миграций, в том числе тех, по которым двигались иранские племена с конца 2-го тыс. до н. э. Тот факт, что его географическое положение между юго-западным берегом Каспийского моря и горами, теперь обеспечивающими естественную границу между Турцией и Ираном, сделало его «трубой», через которую проходили все захватчики с Кавказа на юг в Иран, может объяснить этническое и культурное своеобразие, очевидное к началу 1-го тыс. до н. э.[12] Более того, до настоящего времени бок о бок существуют оседлое земледелие и кочевой образ жизни, хотя и не без трения.

Контакты и связи между соседними регионами, равно как и между поселениями, расположенными на значительном расстоянии друг от друга, были возможны с ранних времен по естественным путям, в основном перечисленным выше. Горы являлись препятствием для политического объединения, но торговля – другое дело. Предметы материальной культуры, которые, как известно, изготавливались в других местах и являлись легкотранспортируемыми, а также вещества, которых, в силу естественных условий, не могло быть на территории исследуемого поселения, являются доказательством существования торговли. До начала обработки меди основной частью импортируемых материалов являлись разные типы камня. Однако размышлять о механике этой ранней торговли, даже если она действительно была организована (и если да, то кем?), бессмыс-ленно[13]. Однако один аспект следует подчеркнуть: путешествия на большие расстояния были возможны даже в период неолита. Здесь уместна аналогия с периодом, предшествовавшим появлению парового двигателя. Известно, что кочевники в XIX в. перемещались вместе с отарами овец из Алеппо весной в Сивас, что в центральной части Анатолии, а осенью – обратно, при этом дальность кругового перехода составляла 700 миль (1100–1200 км). Путешествовать без овец намного проще и приятнее. Археологи зачастую преувеличивают сдерживающий эффект географических препятствий для миграций и торговли. Также многие ошибочно считают, что для распространения доисторических культур требуется долгое время – возможно, даже века. Но ведь древние люди ходили с той же скоростью, что и мы, а что касается дальности – было бы желание.

Требования торговли обусловили необходимость знаний об источниках соответствующих сырьевых материалов. Так было и в период неолита, и позже. Анатолия и Закавказье богаты минералами и другими полезными ископаемыми. Сегодняшний турецкий крестьянин ни за что не пропустит доступные руды. Медь, олово и сурьма в Закавказье встреча-

[12] T. Cuyler Young, “The Iranian Migration into Zagros”, *Iran* V, 1967. P. 11–34. Автор предлагает подход с северо-востока, а не через Кавказ.

[13] (a) C. Renfrew, J.E. Dixon, J.R. Cann, “Obsidian and Early Cultural Contact in the Near East”, PPS XXXII, 1966. P. 30–72; (b) Gary A. Wright, *Obsidian Analyses and Prehistoric Near Eastern Trade, 7500 to 3500 BC,* Anthropological Papers 37, Museum of Anthropology, University of Michigan, 1969.

ются часто и в больших количествах. Особенно важно олово: его не обнаружили в Анатолии и Иране, однако оно, вероятно, присутствует в Афганистане или рядом с ним. Месторождения, которые разрабатывались в древности, оценить невозможно[14]. Они были слишком малы, чтобы представлять интерес для коммерческих целей в наши дни, или слишком далеки, чтобы окупить расходы по строительству дорог. Месторождения меди в Турции – это Эргани-Маден на юго-востоке, а также рудники в районе Кастамону и на крайнем северо-востоке, в Древней Колхиде. Железная руда встречается в Дивриги и Хасанчелеби – оба в восточной части Центральной Анатолии. Золото и серебро добывают в горах Тавра в районе Булгар-Маден. Серебро также добывают в местах, где это отражено в названии местности (то есть в названии присутствует турецкое слово *гюмюш*) – в Гюмюшхане, что на пути из Трабзона в Эрзурум, в Гюмюшхасикёй, что к западу от Амасьи и юго-западнее Самсуна. Также серебро есть в районе Эргани-Маден. Сурьму находят в Турхале, что недалеко от Амасьи. Аллювиальное золото имеется в Анатолии, а медь, как известно из табличек, найденных при раскопках в Кюль-Тепе, была основной статьей экспорта из анатолийских городов в Ассур (Ашшур) при посредстве ассирийских караванов, но точные источники добычи этой меди неизвестны. Олово импортировалось ассирийскими купцами в Канеш (Кюль-Тепе) и другие порты, которые они создали[15]. Его отсутствие в Анатолии может быть связано с недостатком гранита, рядом с которым обычно располагаются залежи касситерита – оловянной руды. Хетты, предположительно, раньше других начали обрабатывать железо, но откуда они получали железную руду – неизвестно. Возможно – из Дивриги, хотя это и далеко от центра их территории. Пока не будет окончательно снята завеса секретности с результатов разных геологических исследований и они не станут доступными для археологов, проблема доисторических источников металлов в гористой местности останется нерешенной. Кроме металлов, в древности добывали и другие минералы. Один из них – соль, которой было много в озере Урмия и вокруг него, а также в Соленом озере, что в центральной части Анатолии.

В период неолита обсидиан разных цветов – от прозрачного до матового черного – являлся важным предметом торговли. Его ценили за режущие качества и использовали для изготовления инструментов и оружия. Недавние исследования выявили много источников этой горной породы, расположенных далеко друг от друга, от Иерихона до Али-Коша, что в Хузестане[16]. Точнее, были определены возможные источники, а другие при применении спектрографического анализа следов элементов – исключены. Этот метод привел к выявлению по крайней мере двух регионов, обеспечивавших потребности в обсидиане, – центральной части Анатолии и восточных нагорьев, расположенных от озера Ван до Армении. Но археологам все еще неизвестно, являются ли эти источники единственными, дающими обсидиан с именно этим набором следов элементов. Его небольшие неразработанные залежи встречаются так часто, особенно в Восточной Анатолии, что невозможно точно установить источники конкретных образцов[17]. Немрут-Даг, потухший вулкан недалеко от озера Ван, – самый известный источник обсидиана. В Тильки-Тепе найдены самые крупные известные обсидиановые самородки, от которых откалывали осколки.

---

[14] R.J. Forbes, *Metallurgy in Antiquity,* Leiden, 1950.

[15] (a) О самом важном источнике меди в Анатолии см.: S.E. Birgi, “Notes on the Influence of the Ergani Copper Mines on the Development of the Metal Industry in the Ancient Near East”; (b) о Канеше см.: Paul Garelli: *Les Assyriens en Cappadoce,* Paris, 1963, etc.

[16] C. Renfrew, J.E. Dixon, J.R. Cann, “The Characterization of Obsidian and its Application to the Mediterranean Region”, PPS XXX, 1964. P. 111–133.

[17] C. Renfrew, J.E. Dixon, J.R. Cann, “Further Analysis of Near Eastern Obsidians”, PPS XXXIV, 1968. P. 319–331. В статье упоминается недавно открытый источник обсидиана. Его обнаружили исключительно благодаря близости к современному шоссе Бингёль-Муш. В Восточной Анатолии наверняка есть и другие месторождения, расположенные в менее доступных местах.

Помимо минеральных ресурсов Анатолия и Закавказье богаты растительностью. В Анатолии встречаются три главные зоны флористического районирования: евро-сибирская (Европа, Россия, Сибирь), ирано-туранская (степи Центральной Азии, Иран и Центральная Анатолия), средиземноморская. Черноморское побережье входит в первую зону, Анатолийское плато – во вторую, а южное побережье Турции – в третью. Недавние работы показали большое количество эндемических растений, то есть произрастающих только в Турции: это в первую очередь относится к Тавру, где встречаются ирано-туранская и средиземноморская ботанические зоны[18]. Распределение деревьев тоже имеет отношение к доисторическому периоду. Лиственные леса – дубы, ясени, буки – покрывали большие территории на понтийском побережье, в том числе Абхазию, и нижние части горных склонов. Выше их сменяли хвойные леса. Линия границы лесов находилась на высоте 6000 футов (1800–1900 м). Еще выше находились открытые горные пастбища. Склоны Кавказских гор тоже богаты древесиной. Однако бассейн Урмии сравнительно безлесный. Примерно та же картина наблюдается в другом регионе – вокруг Соленого озера. На юге, в районе Коньи, уже во время неолитического города Чатал-Хююк строили дома из глинобитных кирпичей, но имитируя деревянные каркасные конструкции. В этой части Анатолии лесов уже могло стать меньше. На северной части Понтийского хребта лесной покров не такой густой, как на стороне, выходящей к Черному морю, и местности присущи особенности плато. Здесь среди немногочисленных деревьев дубы, заросли кустарников и можжевельник, хотя в наши дни вдоль берегов рек и ирригационных каналов посадили тополя. Они используются для потолочных балок при строительстве деревенских домов. Главное преимущество тополей – быстрый рост. В средиземноморской зоне распространены кедры, черные сосны и серебристые ели.

Еще важнее, чем деревья, пригодные для строительства, – разные виды съедобных растений. Из них, естественно, самые существенные – злаки. Они же олицетворяют главные проблемы, поскольку не решены вопросы их происхождения. Дикий прототип пшеницы-однозернянки встречается в районе Мармары и на большей части территории Турции и Леванта, но не в горных районах Восточной Анатолии и не на Кавказе. Дикий прототип пшеницы-двузернянки встречается в Леванте и у подножия гор Загрос, а ячменя – в гористой местности, за исключением долины Аракса и севернее[19]. Однако вряд ли стоит уделять особое внимание ареалам обитания дикорастущих прототипов культурных растений сегодня.

В горах было и есть много бобовых, а также плодовых растений и деревьев – за исключением полузасушливых районов. Цитрусовые растут только на побережье Средиземного и Эгейского морей. Но яблоки, сливы, абрикосы, персики и шелковица распространены в восточных горных районах, в том числе вокруг озера Ван, где они достаточно морозоустойчивые, чтобы пережить суровые зимы. Сегодня их много и в Понтийском регионе. Лесные растения, как правило, произрастают на Ближнем Востоке быстрее, чем в Европе, так что садоводство здесь намного прибыльнее.

Такое выносливое растение, как виноград, распространено на Анатолийском плато, в Закавказье и районе озера Урмия. Считается, что тип vitis vinifera возник на землях, примыкавших к Каспийскому морю. Этому типу требуется долгое сухое лето, умеренное или жаркое, и прохладная зима. Он не выживает в условиях влажного лета, которое приносит с собой плесень, или очень холодной зимы с температурой ниже 18 градусов по Цельсию. Виноградарство могло зародиться или здесь же, на берегах Каспийского моря, или в районе вокруг Колхиды. Там в двух местах раскопок поселений, датированных 4-м тыс. до н. э., были найдены самые ранние материальные свидетельства в виде зернышек виноградных ягод, при-

[18] P.H. Davis, J. Gullen, M.J.E. Coode, *Flora of Turkey and East Aegean Islands,* vol. I, Edinburgh, 1967.

[19] H. Helbaek, “Domestication of Wild Food Plants in the Old World”, *Science* 130, 1959. P. 365–372, etc.

чем в скоплениях, связанных с запасами орехов и желудей, которые тоже использовались для еды[20]. Плиний в «Естественной истории» уделил большое внимание вьющимся и ползучим растениям, перечислил 91 разновидность винограда и 50 других аналогичных растений, описал способы выращивания лоз. Подобные скопления на самом деле могли быть результатом собирательства, а не виноградарства, но это представляется маловероятным. Модификация теории о происхождении последнего на Кавказе или в защищенных районах Восточной Анатолии заключается в следующем: бок о бок с распространением диких виноградников оно зародилось у подножия Загроса в Северной Месопотамии, Сирии и Палестине. Оттуда оно пришло вместе с культивацией злаков в Восточное Средиземноморье и на побережье Эгейского моря[21]. Последующая история продвижения виноградарства на запад не отдает предпочтение ни одной из предположительных территорий его зарождения, хотя археологические и лингвистические свидетельства склоняют чашу весов в пользу Кавказа.

Природные зоны были выделены для периода 8000–5000 гг. до н. э., то есть для условий послеледникового периода и до начала серьезного влияния на природу человеческих поселений[22]. Тогда самые большие территории покрывали лиственные или смешанные леса. Их классифицировали как умеренно теплую зону. Хвойные (преимущественно) леса, покрывавшие склоны Понтийского и Кавказского хребтов, находились в умеренно холодной зоне. Вдоль понтийского и каспийского побережий, а также на узком предгорном участке Плодородного Полумесяца растительность была субтропическая. Вокруг эстуария Аракса имелась территория галерейного леса, тоже субтропическая, но немного дальше вверх по течению уже начиналась полупустыня, заросшая кустарниками и травой. Условия в бассейне Урмии, вероятно, были такими же, как в центральной части Анатолии, с полузасушливыми пастбищами и степями. Если эта реконструкция растительного покрова верна, то в сравнении с современным периодом она предполагает чрезмерное количество выпадаемых осадков, поскольку исчезновение деревьев с большей части нагорий и из Центральной Анатолии нельзя приписать исключительно деятельности человека. При обобщениях, касающихся всех основных регионов, необходимо принимать во внимание местные особенности.

Фауна нагорий остается весьма разнообразной даже сегодня. В горах живут леопарды и медведи, а также волки, в уцелевших болотистых местностях – кабаны. В реках и пресноводных озерах много рыбы. Среди более крупных птиц можно отметить аистов, пеликанов и журавлей. Последние довольно боязливы и предпочитают селиться в удаленных районах. Здесь также много хищных птиц. Тем не менее не приходится сомневаться, что в ранний послеледниковый период фауна была разнообразнее. Обитатели Ча-тал-Хююка охотились на туров, диких свиней, оленей, диких овец, косуль, диких ослов и ланей, реже – на газелей, лис, волков и леопардов[23]. Такое изобилие дичи в те времена являлось повсеместным, даже в районах, расположенных в непосредственной близости к Конье, где находился Чатал-Хююк[24]. Для Джармо, что у подножия Загроса, составлен длинный список фауны[25]. Пока не будет аналогичных списков относительно всех ранних поселений в горной зоне, реконструировать фауну Анатолии и Закавказья в целом для раннего послеледникового периода оказывается невозможным.

---

[20] D.M. Lang: *The Georgians,* Ancient Peoples and Places, London, 1966. P. 34.

[21] H. Helbaek в *Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan.* P. 116.

[22] CAH I, fasc. 33. P. 8–10.

[23] J. Mellaart, *Çatal Hüyük*, London, 1967. P. 223–224.

[24] J. Bordaz, AS XV. 1965. P. 32; XVI. 1966. P. 33.

[25] H. Helbaek in *Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan.* P. 47–48.

Одомашнивание животных – слишком масштабная тема, чтобы ее обсуждать в рамках этой книги[26]. Овцы и козы, кости которых в основном неотличимы, давали ранним людям мясо, а также шерсть и кожу для одежды. Ткани изначально были шерстяными, но дикий лен, хотя и не обнаруженный в районе Чатал-Хююка, рос в районе Загроса, и его начали культивировать довольно рано.

Использованию богатых природных ресурсов нагорий временами препятствовали их труднодоступность и суровые климатические условия, хотя в те времена в целом окружающая среда была значительно лучше и лесной покров – больше. Медленное ухудшение климата в сочетании с недальновидностью человека превратило огромные регионы в лишенные леса засушливые степи. Только сейчас правительства стараются сдержать этот процесс и восстановить леса. У сегодняшних нагорий больше сходства с Центральной Азией, чем с русскими равнинами или средиземноморским побережьем. Но так было не всегда.

Приведем короткий комментарий, касающийся терминологии, – невозможно избежать употребления ряда специальных терминов, применяемых археологами, особенно тех, которые используются для дифференциации последовательных периодов культурного развития. Произведенная в XIX в. классификация по форме, способам производства и материалам (камня и металла) предметов материальной культуры привела к появлению знакомых нам терминов: *палеолит, неолит, бронзовый век, железный век*, к которым впоследствии добавились новые: *мезолит* и *халколит*. Последний часто называют *энеолитом* – как в советской литературе. Термин *медный век* также используется применительно к частям Анатолии, особенно если речь идет о Центральном плато. Одни из перечисленных терминов имеют больше смысла, чем другие. Так, *неолит* и *палеолит* – узнаваемые стадии культурного развития. Неудовлетворительный характер терминологии общеизвестен, и временами предлагались разные альтернативы. Одни понятия довольно длинные и трудно запоминающиеся, другие – синонимы традиционных терминов. Например, Р. Брэйдвуд всегда предпочитал *палеолитический* и *неолитический этапы* называть периодами *собирательства еды* и *производства еды* соответственно. Такие термины, как *эпипалеолитический, протонеолитический, протогородской*, также встречаются в литературе, посвященной разным регионам Ближнего Востока.

Если признать, что многие понятия стали всего лишь удобными ярлыками, читатель может не слишком беспокоиться о подобных сложностях, созданных самими археологами. Если же ликвидировать все существующие термины, это лишь усилит неразбериху. Недавнюю схему, составленную на основе радиоуглеродной датировки и относящуюся к последовательным тысячелетиям, можно порекомендовать и для ранних периодов[27], но было бы неправильно применять их для поздних периодов, требующих более точной классификации. Советскую археологическую терминологию для Закавказья разработали без учета понятий, которые использовались в Турции и Иране, и наоборот. Не имея возможности использовать «советские периоды» ко всей зоне, о которой идет речь в настоящей книге, учитывая наличие многочисленных региональных вариаций и местных культурных традиций, мы использовали новые термины там, где это оправдывалось контекстом, – как в 3-м тыс. до н. э. В целом мы старались сделать их более понятными, хотя это не везде получилось.

[26] C.A. Reed in *Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan.* P. 119–145.

[27] J. Mellaart, “The Earliest Settlements in Western Asia”, CAH I, fasc. 59. 1967. P. 6–7.

Глава 2
Первые поселения

Человек-охотник был вынужден рыскать по лесам, преследуя дичь, чтобы обеспечить себя продовольствием. Ему приходилось изучать повадки животных, на которые влияли климатические изменения. Человек-земледелец и человек-пастух зависели от климата, количества осадков, солнца и не были защищены от колебаний объема урожая. Жизнь первых поселенцев в Анатолии и других районах Ближнего Востока всегда оставалась тяжелой. Им приходилось много работать, а отдача, вероятнее всего, оказывалась небольшой. Во время засухи часто погибали и урожай, и скот. Но, несмотря на все трудности, первые жители деревень сделали решающий шаг, который впоследствии получил название «неолитическая революция». Это действительно была революция, поскольку начался длительный процесс покорения окружающей людей природы. Возможно, это объясняет более быстрое культурное продвижение вперед, чем во время последовательной смены палеолитических культур. Как только человек начал, пусть и неуверенно, изменять окружающую среду для достижения своих целей, шкала времени будто сократилась. Теперь прогрессивные шаги занимали не тысячелетия, а только века.

Ссылка на время в столь отдаленные периоды стала возможной благодаря использованию в археологии достижений в области ядерной физики – радиоуглеродной датировки[28]. Точность этого метода за последние годы существенно повысилась. Важным является появление сравнительной хронологии – из радиоуглеродных дат[29].

Физическая антропология, несмотря на большие ограничения, ввиду малочисленности и плохой сохранности скелетов, показывает, что Ближний Восток первоначально населяли люди с продолговатыми головами – евроафриканцы и протосредиземноморцы. Постепенно, в периоды, наступившие после неолитической революции, на Ближнем Востоке появились группы круглоголовых людей и смешались с первыми расами[30]. Однако наличие общих черт предполагает, что на этапе становления, когда делались первые шаги в обработке земли и скотоводстве, население большей части региона имело общих предков. У человека периода верхнего палеолита было скромное телосложение: мужчины имели рост около 5 футов 8 дюймов (177 см), женщины – около 5 футов 1 дюйма (155 см). Их потомки устроили неолитическую революцию.

Знание культур периода верхнего палеолита и тех, что последовали за ними на Ближнем Востоке, основано на неполных свидетельствах из самых разных, удаленных друг от друга территорий. В горах, расположенных от Анатолийского плато до Кавказа, и в Иране еще предстоит провести масштабные исследовательские работы. Пещеры Анталии, что на Средиземноморском побережье Турции, были изучены турецкими археологами, которые провели раскопки и обнаружили наскальные рисунки, видимые над поверхностью земли. Там обнаружили изображения, относящиеся к большому промежутку времени –

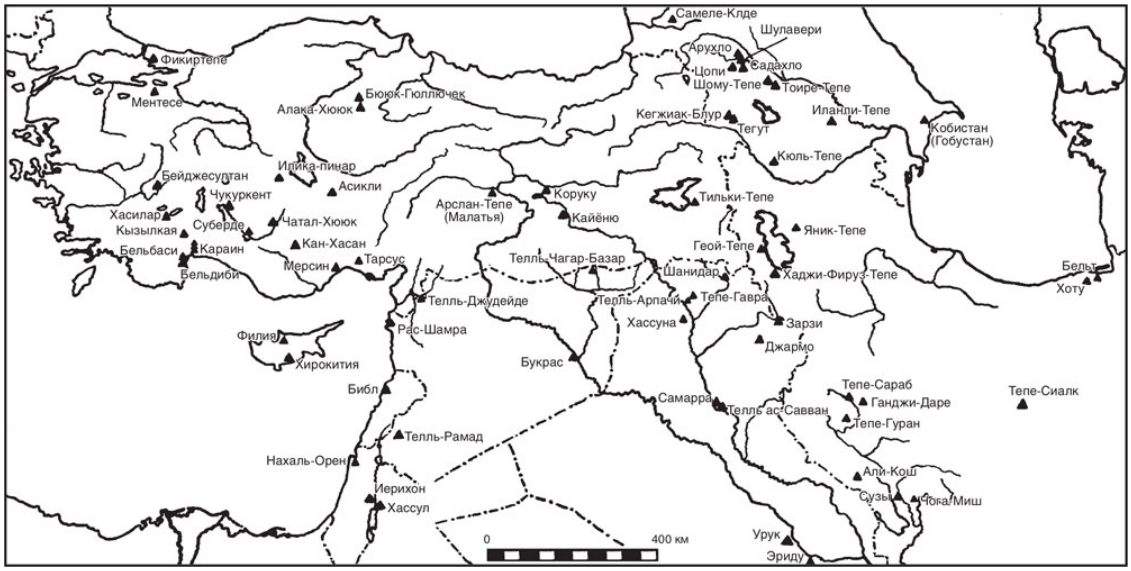
---

[28] Общие сведения о радиоуглеродной датировке см.: E.H. Willis, “Radiocarbon Dating”, *Science in Archaeology* (1969 edition). P. 46–57.О ее применении см.: E. Neustupny, “A New Epoch in Radio-Carbon Dating”, *Antiquity* XLIV. 1970. P. 38–45.

[29] Брэйдвуд отдает предпочтение более ранней дате, касающейся Джармо (6750, а не 4750 г. до н. э.). Это в целом совпадает с археологическими свидетельствами абсолютной хронологии этой и находящихся неподалеку стоянок древнего человека, хотя дата 6250 г. до н. э. представляется более приемлемой. О радиоуглеродной датировке в Джармо, Джерихо, Чатал-Хююке и т. д. см.: *Chronologies.* P. 84–88, 124, 248.

[30] (a) D.R. Hughes, D.R. Brothwell; “The Earliest Populations of Man in Europe, Western Asia and Northern Africa”, CAH I, fasc. 50; (b) D.A.E. Garrod, D. Bates, *The Stone Age of Mount Carmel* I, Oxford, 1937; (c) T.D. McCown, A. Keith, *The Stone Age of Mount Carmel* II, Oxford, 1939.

от нижнего палеолита до неолита. Основные места раскопок – Бельдиби и Караин[31]. Отсутствие обсидиана в материальной культуре Бельбаши в районе Анталии предполагает почти полное отсутствие контактов с Анатолийским плато во времена мезолита – в 10000–9000 гг. до н. э. Стоянки древних людей в Анталии, вероятно, всегда были сравнительно изолированными. Поиск параллелей с рисунками в Бельдиби приводит к наскальной живописи на дальнем юго-востоке Турции, в районе Сиирта, или даже дальше – в Кобистан (Гобустан), что в 40 милях (64 км) южнее Баку, на каспийском берегу. Там самые ранние рисунки были определены как мезолитические. В отложениях у одной из скал с рисунками нашли изделия из кремня. Также присутствуют свидетельства изменения искусства резьбы по камню по высоте отдельных рисунков.



Карта 1. **Важные места поселений ранних периодов до конца 4-го тыс. до н. э (Политические границы на момент выхода книги показаны пунктирной линией)**

Даже палеолитический человек при необходимости мог преодолевать большие расстояния – например, когда ему требовалось определенное сырье, такое как обсидиан. Этот камень, обычно называемый «вулканическое стекло», очень часто находят на ранних стоянках Ближнего Востока. С помощью спектрального анализа вкраплений или следов элементов можно установить регион его происхождения, что дает свидетельства существования торговли и культурных контактов в эпоху неолита и до нее. Один из главных источников обсидиана – Немрут-Даг – потухший вулкан на западном конце озера Ван. Но определенно в Восточной Анатолии есть еще много необнаруженных месторождений обсидиана. Правда, те, что находятся в одном регионе, как правило, имеют одинаковые характеристики. Обсидиановые предметы среднего палеолита найдены в провинциях Хаккари, Ван и Карс, что на востоке Турции. Самые ранние пластовые появления обсидиана на Ближнем Востоке – слой С пещеры Шанидар. Их возраст, согласно радиоуглеродной датировке, – около 30 тысяч лет. Обсидиан также встречается в пещере Зарзи, что в 80 милях (130 км) южнее, в горах Загроса[32]. Даже когда металлообработка достигла весьма «продвинутой» ста-

[31] (a) E. Bostanci, “A New Palaeolithic Site at Beldibi”, *Anatolia* VI 1961/1962. P. 129–178; (b) Краткое сообщение о раскопках сезона 1966–1967 гг. в Бельдиби см.: Bostanci, *Türk Arkeoloji Dergisi* 16, I. 1967. P. 51–54; (c) I. K. Kökten, “Die Stellung von Karain innerhalb der türkischen Vorgeschichte”, *Anatolia* VI. 1963. P. 59–69.

[32] (a) R.S. Solecki, “Prehistory in Shanidar Valley, North Iraq”, *Science* 18, 1963. P. 179; (b) D.A.E. Garrod, J.G.D. Clark: “Primitive Man In Egypt, Western Asia and Europe”, CAH I, fasc. 30. 1965. P. 19–22.

дии – на стоянках культуры Халаф в 5-м тыс. до н. э., между районом Вана и Верхней Месопотамией процветала торговля обсидианом.

На Кавказе климатические условия были особенно суровыми в эпоху верхнего палеолита, но это не самый ранний период, представленный артефактами. Каменные топоры ашельской культуры и некие пластины были найдены на побережье Черного моря и на внутренних территориях – в грузинских районах Имерети и Картли. Утверждают, что пластины относятся к мустьерской культуре (средний палеолит). Верхний палеолит представлен ножами, скребками, бурами и пластинами из кремня, реже – из обсидиана. В пещере Сакажия, недалеко от Кутаиси, обнаружили кости бизона пещерных медведя и льва, что указывает на холодный климат, сообразно последнему ледниковому периоду[33]. В Мингрельском районе Грузии нижний слой стоянки в Одиши содержал кремневые и обсидиановые микропластинки конца верхнего палеолита. В Армении, особенно вокруг горы Артин и вдоль реки Раздан, шли артефакты, относящиеся к культурам нижнего, среднего и верхнего палеолита, сравнимые с их эквивалентами в Западной Европе[34].

Палеолитические охотники жили не в темных сырых глубинах своих пещер, а на площадках у входа или перед ним (на открытых стоянках – сезонно). В России, где мало естественных пещер, широко распространились укрытия, которые рыли в лёссе, выветренном грунте, отложившемся в сухих условиях оледенения[35]. Аналогичные открытые стоянки в Анатолии и других местах Ближнего Востока, безусловно, найдут, хотя это будет и непросто. Маловероятно, что стоянок, подобных современным жилищам в пещерах и каменным укрытиям, не существует.

Свидетельства перехода от обитания преимущественно в пещерах и под скальными укрытиями к жизни на открытых площадках следует искать за пределами Анатолии и Кавказа. Этот переход стал заметной чертой неолитической революции, хотя являлся следствием, а не причиной. Раскопки в Загросе показали, что эта стадия датируется примерно 10000–9000 гг. до н. э. К сожалению, большинство стоянок древнего человека в Загросе не дают последовательную картину. Они демонстрируют ряд изолированных, частично совпадающих по времени, но разрозненных культур, принадлежавших к векам, которые предшествовали неолитической революции[36]. Сравнительно важной для перехода от собирательства еды к ее производству является натуфийская культура Палестины, от ранней стадии которой произошел докерамический неолит А – Иерихон[37].

Для развития культивации злаков и других растений, пригодных в пищу, а также для одомашнивания некоторых животных потребовалось, возможно, несколько веков. Ясно, что процесс не был одномоментным. Более того, многие черты образа жизни периода верхнего палеолита продолжали существовать на Анатолийском плато и других территориях Ближнего Востока. Сначала мы поговорим об Анатолии, а потом перейдем к нагорьям Восточной Турции и Кавказу.

В восточной части Турции, Закавказье и на северо-западе Ирана сохранилось слишком мало артефактов соответствующего периода, дающих адекватные свидетельства для понимания достижений неолитического человека. Наиболее интересный древний памятник, хотя и не вполне уместный из-за своего расположения на Анатолийском плато, – это Чатал-Хююк.

---

[33] A. Mongait, *Archaeology in the USSR* Moscow, 1955. В Грузинском государственном музее в Тбилиси экспонируются артефакты нижнего, среднего и верхнего палеолита, а также соответствующие кости животных.

[34] S.A. Sardarian, *Primitive Society in Armenia,* Erevan, 1967. P. 317–325.

[35] (a) *Archaeology in the USSR.* P. 74–87. Здесь изложено краткое описание культур верхнего палеолита; (b) О палеолите в целом в СССР см.: J.M. Coles, E.S. Higgs: *The Archaeology of Early Man,* London, 1969. P. 325–356.

[36] J. Mellaart, “The Earliest Settlements in Western Asia”, CAH I, fasc. 59. 1967. P. 9–12.

[37] D.A.E. Garrod, “The Natufian Culture: the Life and Economy of a Mesolithic People in the Near East”, *Proceedings of the British Academy,* 43. 1957. P. 211.

Изучение его обитателей – охотников, фермеров, строителей, художников, ремесленников и изобретателей может помочь в понимании современных поселений и в других местах. Чатал-Хююк – не самое раннее поселение на этом плато. Стоянка Суберде, что у озера Сугла, в 60 милях (97 км) к западу-юго-западу от Чатал-Хююка, и нераскопанная стоянка Асикли-Хююк у Соленого озера, скорее всего, немного старше. То же можно сказать о докерамической стоянке Хасилар, что возле озера Бурдур. Это самая западная точка, где жили оседлые сообщества не позднее 7000 г. до н. э. Кстати, тот же археолог, что вел раскопки в Суберде, раскопал неолитический курган Эрбаба, что в 10 км к северу и северо-западу от Бейшехира. Тем не менее уникальность Чатал-Хююка не подлежит сомнению. Археолог Джеймс Меллаарт написал об этом поселении книгу, где дал его общее описание, акцентируя внимание читателей на развитии искусства. Однако длинный и очень подробный отчет ученого включил многие детали, не вошедшие в эту книгу, но представленные в его последующих, очень интересных публикациях.

Охота не была пережитком прошлого в Чатал-Хююке, на что указывают многочисленные обсидиановые наконечники копий самого узнаваемого типа из всех известных каменных орудий. Там же много наконечников стрел, причем двух размеров. Скорее всего, они использовались с длинными и короткими луками. Очень большие скребки подтверждают умение обитателей этого поселения свежевать животных и очищать шкуры. Каково бы ни было значение многих настенных рисунков, являющихся особо привлекающим внимание элементом достижений этого общества, на некоторых из них, безусловно, изображены сцены охоты, а также ритуалы и магические обряды, тесно связанные между собой в религии этого народа. Таким может быть объяснение изображения гигантского красного быка (покрывает северную стену одного святилища в слое III), которого окружали маленькие человечки, причем ни один из них на животное не нападал. Странные сцены кормления на стенах слоя V, где видны люди, тянущие животных за языки, возможно, тоже следует рассматривать в подобном контексте. Изображение леопарда, на которого часто охотились, и находящейся рядом женской фигуры – один из археологов впоследствии назвал ее владычицей животных, основываясь на более поздних аналогиях, – на самом деле может символизировать подчинение диких животных наступлению новых сил – земледелия и скотоводства.

Город, расположенный у реки Чаршамба, протяженностью 32 акра (0,13 км²), никогда не был бы обнаружен, если бы речь шла только об охоте. Палеоботанические свидетельства зачастую объясняют значительно большие, чем те, что касаются охоты и одомашнивания животных. Ко времени Чатал-Хююка (слой VI) его обитатели выращивали не менее 14 видов съедобных растений[38], некоторые из которых использовались для приготовления масла. Фрукты и орехи, вероятно, доставлялись от подножия Тавра. Отсутствие прямых доказательств копания и рыхления почвы с помощью мотыг, тяпок и т. д. не является важным, потому что такие приспособления люди могли изготавливать из дерева. Многочисленные жернова, точильные камни, пестики и ступки – типичные знаки существования сельского хозяйства. В целом свидетельства указывают на то, что им в Чатал-Хююке занимались женщины, а мужчины – охотой, хотя им могли доверить и домашних животных. Отсутствие рисунков на тему сельской жизни компенсируется «засильем» женщин в произведениях искусства – на картинах и в фигурках.

Город Чатал-Хююк демонстрирует определенное единообразие не только в планировке строений, но и в используемых при этом материалах и методах строительства. Хотя, конечно, о городской планировке речь в то время не шла. Не централизованная власть, а традиции и сила привычки, вероятно, были главными факторами, определившими архитектурную однородность. Мы даже можем представить, каким видел свой город древний художник,

[38] J. Mellaart, *Çatal Hüyük*, London, 1967. P. 224.

изучив, например, изображение, где на фоне извергающегося вулкана показаны или единичные элементы – кварталы, составляющие город, или отдельные здания, составляющие такой квартал. Вероятно, тогда перед людьми остро стояла проблема строительства и ремонта прилегающих зданий, в силу необходимости расположенных уступами на склонах холма. В этой связи бросается в глаза отсутствие дверных проемов на уровне земли, ведущих в отдельные жилые помещения и к местам поклонения, которые имели много общего. Доступ туда был через крышу вниз с помощью приставной деревянной лестницы. Подобный способ входа в помещение имеет современные параллели в самых разных частях света, где это удобно исходя из требований безопасности и существуют благоприятные климатические условия. Архитектура Чатал-Хююка не оставалась статичной, а отражала растущую уверенность в использовании сырцовых кирпичей и постепенный отказ от материалов из дерева. До слоя V здания были деревянными и каркас лишь немного наполнялся сырцовыми кирпичами. А слой II демонстрирует, что от деревянного каркаса вообще отказались и вертикальные стойки заменили кирпичными столбами. В ходе декоративных и конструкционных инноваций, а также ремонтных работ на плоскую стену или рельеф стали наносить несколько слоев краски. Схема украшений могла меняться или нет. В слое VII в Чатал-Хююке археологи насчитали 120 слоев штукатурки, сделанной из белой глины для украшения стен, а также полов и потолков. В слое VI было уже 100 слоев. Число последних на зданиях одного уровня, как правило, было примерно одинаковым. Все эти свидетельства подтверждает ошибочность предположения, что сооружения из сырцового кирпича, даже при наличии надлежащего ухода, не могут простоять больше нескольких лет. Можно предположить, что в Чатал-Хююке стены покрывали штукатуркой каждый год.

В качестве красок древние художники использовали минералы, в том числе оксиды железа, медные руды, окись ртути, марганец, сульфид свинца. Доминирующими тонами являлись разные оттенки красного. Их получали из железной руды, киновари и, возможно, гематита. Создание поверхностных рельефов из штукатурки (гипса) не представляло собой серьезных технических проблем, хотя приходилось использовать разные технические приемы. Кости и рога животных применяли для более прочного закрепления изображений на стене. Работа по созданию настенных росписей, рельефных изображений из штукатурки и раскрашенных и нераскрашенных каменных скульптур и моделей из глины давала возможность доисторическим творческим людям проявить свои таланты. Хотя окрашенный черный бык был изображен уже в слое IX, рельефные украшения – особая «фишка» ранних святилищ, где только рельефы – картин нет. Возможно, рельефы можно связать с глиняными статуэтками: и то и другое – результат лепки, придания мягкому материалу нужной формы. После слоя V рельефы исчезают – они больше не считались модными в Чатал-Хююке. Примерно в это же время глина вытеснила камень, став самым популярным материалом для изготовления статуэток. Резьба по камню первоначально была обычным методом создания фигурок, возможно культовых статуэток, перешедших из более ранних святилищ, которые ремонтировались или перестраивались. Подобные артефакты, как правило являющие собой резкий контраст с довольно грубыми фигурами людей и животных из глины, часто находили в ямах за пределами святилищ. Свидетельство постоянства культа усиливается отчетливыми следами износа и ремонта на некоторых каменных статуэтках. В конце истории Чатал-Хююка, в слое II, в одном святилище ученые нашли девять статуэток, из них восемь – из глины. Они в некоторых аспектах сравнимы с более поздними фигурками из Хасилара (слой IV) – факт, предполагающий, что к этому времени (ок. 5600 г. до н. э.) художественные традиции Чатал-Хююка, по крайней мере в скульптуре, распространились на обширной территории Анатолийского плато[39]. Это произошло потому, что статуэтки можно было легко переносить

[39] J. Mellaart, “Excavations at Hacilar: Fourth Preliminary Report”, AS XI. 1961. P. 37–61.

и перевозить. Настенная живопись и лепнина вряд ли имела много зрителей из числа посторонних, которых вполне могли не допускать в святилище.

Многие достижения художников Чатал-Хююка получили высокую оценку, благодаря великолепной технике и высокому стандарту мастерства в работе с некоторыми материалами. Художники работали с деревом, костью, тканями и даже металлом. Глину использовали для производства керамики, хотя и в ограниченных масштабах, причем без какого-либо разнообразия форм. Сосуды для приготовления пищи, еды, питья и хранения продуктов в более поздний период были по большей части керамическими. Но популярными оказывались и другие материалы – дерево и гибкие прутья (из них изготавливались плетеные изделия). Хотя производство керамики в Анатолии могло зародиться в районе Коньи, ее количество в Чатал-Хююке настолько мало, что невозможно сделать однозначный вывод. Керамические изделия раскапывали до слоя XII. Формы примитивные, самая распространенная – кувшин с большим горлышком, но качество таково, что невозможно приписать эту работу ранним гончарам. Чатал-Хююк можно сравнить с поселениями в других местах Ближнего Востока, таких как Иерихон, который долго процветал, не испытывая необходимости в керамике[40]. Отметим, что ее зарождение лучше, чем любое другое раскопанное поселение Ближнего Востока, иллюстрирует Ганджи-Даре.

Дерево в Чатал-Хююке использовалось для многих целей, в том числе как материал для изготовления сосудов, доказательством чего является удивительная серия сосудов и емкостей из слоев VIB и VIA и среди них – блюда длиной около 50 см, возможно для мяса, пашотницы, круглые чаши и блюда, овальные чаши с рукоятками. Огонь – союзник археолога: эти сосуды, сделанные без гвоздей и клея, сохранились на полах домов и в захоронениях благодаря карбонизации. Другая мягкая древесина обрабатывалась обсидиановыми скребками и другими инструментами, которые тоже производились в Чатал-Хююке. На завершающем этапе изготовления сосудов, вероятно, использовались наждак и песок – для обработки поверхности. Современная параллель – кувшин с рукоятками, который называют в Турции *cam bardak* («сосновое стекло»). Это глубокий сосуд с узким горлышком, вырезанный из куска ствола дерева. Чтобы такие сосуды оставались водонепроницаемыми и не раскалывались, они постоянно должны быть наполнены жидкостью. Более твердая древесина (дуб и можжевельник) использовалась в строительстве. Ее обрабатывали нефритовыми топорами, стругами и стамесками. Это мастерство не было превзойдено в Анатолии, во всяком случае насколько можно судить по археологическим находкам, до VIII в. до н. э., когда фригийцы изготавливали изящно украшенную мебель, фрагменты которой были найдены в районе Гордиона[41].

Обкалывание (вырубание), шлифовка, полировка и сверление – эти техники использовались ремесленниками Чатал-Хююка при изготовлении инструментов, оружия, сосудов, статуэток и украшений из камня. Обрабатывались разные виды камня, за исключением разве что твердых вулканических пород, таких как гранит. Обсидиановые зеркала, найденные в захоронениях, вставлялись в известняковый раствор и полировались с применением неизвестной техники. Перфорация крупных предметов, таких как булава, не представляла трудности, чего нельзя сказать о сверлении каменных бусин, в том числе обсидиановых, в которых обнаружены отверстия слишком тонкие даже для современной стальной иглы. Как это делалось – непонятно. Использование медных буров является маловероятным.

Обнаружение меди и свинца в Чатал-Хююке выше слоя IX представляется в высшей степени важным для истории технологий, тем более после того, как исследование медной глыбы из слоя VI показало, что это медный шлак. Умение выплавлять руды для удаления

[40] (a) J. Mellaart, *Çatal Hüyük*, London, 1967. P. 216–217; (b) Mellaart: AS XIV. 1964. P. 81–84.

[41] R.S. Young, AJA 62. 1958. P. 139–154.

природных примесей подразумевает появление металлообработки уже в 7-м тыс. до н. э. Этот факт нельзя считать бесспорным без дополнительных свидетельств. Свинец в Чатал-Хююке, однако, предполагает применение плавки в слое IX, потому что в Анатолии он встречается только в виде галенита, который не используется в природном состоянии. Отсутствие металлических орудий в Чатал-Хююке может быть случайным, так как в Суберде обнаружили медное шило длиной 4 см[42].

Такие материалы, как кость, используемая для изготовления разных предметов, и камыши, которые скручивали и связывали для плетения корзин, не представляли технических трудностей. Обработка кости велась почти повсеместно на Ближнем Востоке в эпоху неолита. А корзины использовали повсеместно до момента широкого распространения керамики. Во многих строениях находили матрасы и свитые коврики. Крючки, застежки, лопатки и миниатюрные сосуды изготавливали из кости.

Плетение тростниковых подстилок и корзин – простые процессы в сравнении с изготовлением тканей, наличие которых в Чатал-Хююке подтверждают многочисленные свидетельства, прямые и косвенные. Благодаря тому же удачному стечению обстоятельств – воздействие огня – сохранились многие сосуды и некоторые ткани, дошедшие до нас в карбонизированном состоянии. Отдельные фрагменты оказались сделанными из удивительно качественной крученой пряжи двух сложений. Это самые древние известные ткани, которые по крайней мере на тысячелетие старше, чем льняное полотно из фаюмских деревень Египта[43]. Свидетельства указывают на шерстяную, а не на льняную пряжу в Чатал-Хююке, где шерсти было много, а семена льна при раскопках так и не обнаружены. Что же касается косвенных свидетельств, то исчезновение настенной росписи вполне можно объяснить изменением моды и появлением настенных тканевых украшений. Вероятно, это произошло в конце периода существования Чатал-Хююка. Представляется вероятным, что настенная роспись предшествовала текстильным настенным украшениям и дала толчок их развитию, а не наоборот. Но к началу халколитического периода в Хасиларе раскрашенная керамика, столь характерная для этого поселения, определенно была именно имитацией текстильных орнаментов. Некоторые рисунки из Чатал-Хю-юка, однако, указывают на прямое подражание текстильным изделиям. Иногда изображали даже строчку вдоль краев. Предположение, что найденные здесь печати могли использоваться для нанесения рисунков на ткань, привлекательно, но маловероятно.

Жизнь и смерть, рождение и погребение, судя по всему, являлись доминирующими темами в религии этого замечательного неолитического сообщества, о теологических верованиях которого можно выдвигать множество гипотез, к сожалению бездоказательных. Период с 7-го тыс. до н. э. до классических времен слишком велик, чтобы можно было смело проводить прямые сравнения. Хотя существование связей между религией Анатолии в бронзовом веке и в эллинистический и римский периоды бесспорно. Преемственность народонаселения эпохи раннего неолита – начала бронзового века невозможно доказать на основании существующих свидетельств. Таинственный вид многих помещений с самого начала натолкнул Меллаарта на мысль, что это святилища, а не жилые помещения. Это подтверждается наличием настенной живописи, рельефов, рогов, вделанных в специальные скамейки, бычьих голов, культовых статуэток, человеческих черепов на платформах, обсидиановых зеркал, костяных застежек и, разумеется, охровых захоронений. Последние являлись давней традицией, уходящей корнями еще в палеолитические времена. Эти захоронения стали частью курганной культуры русских степей в 3-м тыс. до н. э. и были найдены в Марлике.

---

[42] (a) S. Mellaart, *Çatal Hüyük.* London, 1967. P. 217–218; (b) Mellaart: AS XIV, 1964. P. 111, 114; (c) T.A. Wertime: “Man’s First Encounters with Metallurgy”, *Science* 146, no. 3649. 1964. P. 1257–1267, etc.

[43] (a) S. Mellaart, *Çatal Hüyük.* London, 1967. P. 219–220; (b) H. Helbaek “Textiles from Çatal Hüyük”, *Archaeology* 16, 1963. P. 39–46, H.B. Burnham “Çatal Hüyük – the Textiles and Twined Fabrics” AS XV. 1965. P. 169–174, etc.

В этих помещениях не приносили в жертву животных, что вряд ли удивительно, потому что туда был доступ с крыши только по лестнице.

Остается тайной, что именно происходило в святилищах, к примеру, принадлежали ли все молящиеся только к жреческой касте, или туда допускались и обычные жители? Раскопки показали, что святилища, однажды построенные, тщательно сохранялись и украшались. Изображения рук – постоянная черта настенных росписей – встречаются в разных формах. Обычно это руки взрослых (бывают и детские), причем правая рука встречается чаще, чем левая. До сих пор такие изображения являются широко распространенными амулетами от сглаза. Окрашенные же красной краской руки иногда видны на дверях домов в деревне Кючуккёй, что вблизи Чатал-Хююка. Это удивительное совпадение. Копирование ранних неолитических рисунков было исключено существованием современных параллелей еще до начала раскопок в 1961 г. Внутри святилищ руки, смоченные в краске, прикладывались к священным рельефным изображениям голов животных или богинь, предположительно чтобы получить от них силу. Там, где изображено множество рук вместе, видимо, передается идея «вся группа людей». Иногда это показано в виде узора из сети, символизирующего охотничью сеть или ловушку – своеобразный символ общего сбора. В священных стенах, вероятно, имело место много рождений; не исключено, что сюда же приносили умиравших. После каждой новой серии захоронений, как предположил Меллаарт, возможно ограниченных определенными сезонами, платформы приходилось перестраивать. Весна и осень – время ремонта домов в Анатолии сегодня. В Чатал-Хююке в те далекие дни, когда жили недолго, а умирали рано, жизнь в мире ином и подготовка к ней занимала умы людей так же сильно, как в других сообществах доисторического Ближнего Востока.

К погребениям проявлялось повышенное внимание. Так, в одном из них из черепной коробки был удален мозг и вместо него помещены ткани. Большинство найденных скелетов лежат в согнутом положении на левом боку. Индивидуальные захоронения редки, и, судя по всему, у последующих поколений была общая могила под платформой святилища или дома. В результате оказались нарушенными более ранние захоронения. Рисунки, проливающие свет на события, имевшие место в промежутке между смертью и захоронением, дают дополнительную информацию о погребальных обрядах. Картины в одном из святилищ, изображающие хищных птиц, налетающих на безголовые трупы, могут иметь только одно объяснение: так кости очищались от плоти. Причем это были именно птицы, а не жрецы или другие люди в соответствующих костюмах[44]. Предположение, что в раскопанном «квартале» обитала жреческая каста, подтверждается захоронениями в святилищах более богатыми, чем те, что производили в обычных домах. Красная охра использовалась для окраски либо только черепа или всего скелета, хотя подобных видов было лишь несколько из почти 500 раскопанных захоронений. Окраску охрой связывают и с периодом верхнего палеолита, и с временем более поздних культур Ближнего Востока. Так, был найден череп, окрашенный красной охрой, и две большие, разделенные на части раковины каури (встречаются в Красном море), выступающие из глазниц. Таким образом подтверждается существование в регионе торговли, осуществлявшейся на дальние расстояния, и прослеживается параллель с докерамическим неолитом в Иерихоне с его знаменитыми «искусственными» черепами. Аналогичные красные черепа с глазами из раковин каури были найдены в слое II Телль-Рамада, что в Южной Сирии[45]. Наличие торговли также иллюстрируют бусы, сделанные из раковин лопатоногого моллюска dentalium, который встречается только в Средиземном море. Иными словами, многие материалы и предметы везли издалека. В женских захороне-

[44] S. Mellaart, *Çatal Hüyük.* London, 1967. P. 166–167.

[45] H. de Contenson, W.J. van Liere: “Sondages à Tell-Ramad en 1963”, *Annales Archéologiques de Syrie,* XIV, 1964. P. 109ff.

ниях встречаются разного рода украшения и косметика, в том числе обсидиановые зеркала, в мужских – охотничье оружие и ремни с костяными застежками.

Люди Чатал-Хююка жили и умирали в обстановке, ничего общего не имевшей с рутинной деятельностью повседневной жизни. Их религию символизировали странные предметы – фигурки быка и барана, танцующего охотника и символа материнства. Не следует обходить вниманием необъяснимый характер некоторых рисунков, рельефов и фигурок, так же как и подгонять их под существующие теории, пусть даже очень привлекательные. Подобные произведения искусства ставят больше вопросов, чем дают ответов, и это естественно.

Видеть сквозь мутное стекло определенно лучше, чем ничего не видеть, – это понимают все исследователи преемственности, смены и взаимного проникновения материальных культур Анатолийского плато, находившихся за пределами Чатал-Хююка. Только два раскопанных холма – Хасилар и Чан-Хасан проливают яркий свет на деревенскую экономику Анатолии, и то в основном в периоды после Чатал-Хююка. Художественные и технические достижения, сравнимые с достигнутыми в городе в долине Коньи, вполне могли существовать и в местах доселе неизвестных, но это не значит, что их не было вообще.

Обработка обсидиана – решающий фактор при выборе Чатал-Хююка для масштабных раскопок – дает явную связь между этим местом и меньшим, менее продвинутым, но дольше известным поселением Мерсин, расположенным в Киликии. Здесь радиоуглеродное исследование образцов, взятых у основания кургана, дало дату – 6000 г. до н. э.: с поправкой на период полураспада в 5730 лет любое расхождение сведено к минимуму[46]. Мерсин располагается в границах Сирийско-Киликийской культурной зоны, обеспечивая связь между культурами Леванта, долины Коньи и более удаленных регионов Анатолийского плато[47]. Распространение темной лощеной керамики, характерное для этой зоны, очень широко – до Мосула, что в долине Тигра, где в Телль-Хассуне в слое Ia было раскопано три последовательных слоя древней стоянки. Это занятие носило временный характер и отличалось от следующих уровней отсутствием разрисованной керамики[48]. Таким образом, очевидна легкость перемещения по лугопастбищным угодьям Плодородного Полумесяца. Это явление повторялось и в более поздние периоды. Значит, теоретически мог существовать контакт между Анатолийским плато, горами Загрос и районом Урмии на востоке, через Киликийскую долину, север Сирии и Верхнюю Месопотамию. Такой контакт не выявлен через горы Восточной Турции, хотя для надежных выводов нет достаточной информации. Хассуна Ia в любом случае относится к 6-му тыс. до н. э. Что касается более ранних связей, важными могут оказаться стоянки Букрас, что находится на Евфрате у слияния с Хабуром (три слоя, датированные 6290 и 6190 г. до н. э., – Букрас I и 5990 г. – Букрас III), и Чайоню – неподалеку от Диярбакыра[49].

Ранние неолитические стоянки в долине Коньи и восточнее – до региона Кайсери также стали источниками ценных находок, что сделало их сравнимыми с Чатал-Хю-юком, хотя в Асикли-Хююке выявлены местные особенности. К западу от долины Коньи самыми важными поселениями раннего неолита, то есть 7-го – начала 6-го тыс. до н. э., являются Чукуркент и Алан-Хююк (рядом с Чукур-кентом находится стоянка Аласа-Худжук, или Хююк,

---

[46] (a) J. Garsstang: *Prehistoric Mersin,* Oxford, 1953. P. 11–43; (b) *Chronologies.* P. 87. Сейчас обычно принимают более высокий период полураспада (5730 ± 40 вместо 5570 ± 30).

[47] (a) R. Braidwood, Linda Braidwood; *Excavations in the Plain of Antioch* I, OIP LXI, Chicago, 1960; (b) R.J. Braidwood, "The Earlist Village Materials of Syro-Cilicia", PPS XXI, 1955. P. 72–76.

[48] S. Lloyd, F. Safar: "Tell Hassuna: Excavations by the Iraq Government Directorate General of Antiquities in 1943 and 1944", JNES IV, 1945. P. 255–289.

[49] H. de Contenson, "Découvertes Récentes dans le Domaine du Néolithique en Syrie – Bouqras", *Syria* XLIII, 1966. P. 152, etc.

а про Алан-Хююк нигде ничего не сказано. – *Пер.*), что на озере Бейшехир, и Кызылкая – курган, расположенный к северу от Анталии, на пути через Тарс к Бурдур[50].

Поздний неолит в Анатолии, судя по всему, был сравнительно коротким. В Хасиларе он завершился около 5600 г. до н. э. Свидетельства этого периода основаны на стратифицированном материале из Мерсина XXVI–XXV и Хасилара IX–VI. Сам термин «поздний неолит» является всего лишь удобным ярлыком для обозначения стадии, когда имело место усовершенствование двух успехов предыдущего этапа – изготовления керамики и глиняных фигурок, причем почти исключительно в Хасиларе.

Население последнего меньше зависело от охоты, чем их предшественники на востоке – жители Чатал-Хююка. В обычной деревне Хасиларе тем не менее были продемонстрированы важные архитектурные успехи в проектировании и сооружении домов уже в слое VI. Здесь явно велось широкое строительство. Вход в жилище с крыши заменили большие дверные проемы, выходившие во двор. Толщина стен в Хасиларе, а также обнаруженные в одном из зданий остатки лестницы с балюстрадой означают наличие в домах верхних этажей. В том же районе Бурдур сегодня двухэтажные здания имеют покрытые крышами выходящие на юг и расположенные тут же маленькие комнаты. Верхние помещения едва ли использовались зимой. Поселение Хасилар VI, более крупное, чем Хасилар II в раннем халколитическом периоде и, возможно, укрепленное, может считаться самой процветающей стадией в истории этого места обитания.

Хасилар VI известен своими глиняными статуэтками. В трех расположенных по соседству домах обнаружена удивительная коллекция из 35 неплохо сохранившихся фигурок. Всего же их было найдено намного больше. Выполненные вокруг нуклеуса, они имели хорошо обработанные и отполированные поверхности. Головы изготовляли отдельно, снабжали колышком, чтобы вставить в отверстия, сделанные в туловищах. Глаза и волосы вырезали, но рты никогда не изображали. Тот факт, что некоторые статуэтки оставались необожженными, указывает на то, что это была работа местных художников. Как утверждают археологи, богиню изображали стоящей, сидящей, преклоняющей колени, присевшей на корточки, полулежащей и сидящей на троне. Теория ученых о двух представленных среди статуэток этнических группах поддерживается предварительными выводами о физической антропологии обитателей Хасилара, среди которых выделены две долихоцефальные расы – средиземноморская, широко распространенная в ранних поселениях Ближнего Востока, и евро-африканская. Брахицефалический элемент, представленный в Чатал-Хююке, в Хасиларе отсутствует. Вероятно, эти проникшие в долину Коньи пришельцы предшествующего периода даже к концу неолитического периода не продвинулись далеко на запад. Однако существующая между статуэтками разница может означать, что они символизировали не отдельные расы, а различие возраста и социального положения. Статуэтка владычицы животных из Хасилара, представлявшая собой богиню, сидящую верхом на леопарде с его детенышем в руках, явно свидетельствует о более совершенной технике исполнения, чем в Чатал-Хююке. Еще более важным является факт, что фигурки демонстрируют преемственность религиозных верований – от ранних крупных поселений до поздних деревень, расположенных в 150 милях (230–250 км) к западу. В Анатолии после Чатал-Хююка больше не было сообществ, способных поддерживать профессиональных художников и ремесленников.

Мерсин XXVI–XXV не представляет особого интереса, разве что является связующим звеном в длинной череде слоев, собственно и придавшей важность этому поселению. Обсидиановое производство слоев нижнего неолита постепенно пришло в упадок, уступив место

[50] J. Mellaart, “Early Cultures of the South Anatolian Plateau I”, AS XI, 1961, etc.

производству молотого камня. Это означало, что теперь основой хозяйства стало не собирательство, а производство продуктов питания.

Общий знаменатель всех культур, приписываемых раннему халколитическому периоду в разных частях Ближнего Востока, – появление и развитие окрашенной керамики. В Хасиларе это показано как местное достижение, постепенно совершенствующееся. В Мерсине орнамент усложнился благодаря влиянию сирийскому, а дальше на восток – мастеров из долины Коньи, района, не отличавшегося культурной оригинальностью, но бывшего «местом встречи» разных элементов керамики, проникавших из пределов Киликии. Современные свидетельства ясно указывают на существование основанной на деревенской экономике ранней халколитической культуры, где были представлены сопоставимые стили раскрашенной керамики. Эта культура, названная Хассуанская, преобладала на территории, раскинувшейся от Верхней Месопотамии на запад через Евфрат к долине Амук (фаза B) и в Мерсин, с «ответвлениями» на юг – в Сирию и Палестину. В Телль-Хассуне примитивные временные стоянки слоя Ia были накрыты последовательностью слоев (Ib – VI) деревни с прямоугольными домами, украшенной керамикой.

Что касается долины Коньи, существует пробел в известных археологических данных периода, последовавшего за оставлением Чатал-Хююка Восточного, раннего неолитического города. Неисследованные более глубокие слои примыкающего кургана Чатал-Хююка Западного со временем его заполнят. Первые раскопки выявили два последовательных стиля раскрашенной керамики, получившие названия «Ранний халколитический I» («Чатал-Хююк Западный») и «Ранний халколитический II» («Кан-Хасан 2b») соответственно[51]. Эти две стадии соответствуют Мерсин XXIV–XXII и XXI–XX. Однако в Чатал-Хююке Западном отмечается общая культурная целостность, за исключением изменений, происходивших в производстве керамики.

В 50 милях (80,5 км) к юго-востоку, неподалеку от Карамана, располагается Кан-Хасан, где раскопки ведутся с 1961 г.[52] Статуэтки и другие произведения искусства предполагают сохранение некоторых ремесел, существовавших в Чатал-Хююке, хотя и с некоторыми изменениями, касавшимися стиля работ. Слой 3 в Кан-Хасане с красно-коричневой керамикой может быть приравнен хронологически к Чатал-Хююку Западному и раннему Хасилару I. Изделия следующего периода, характерные для Кан-Хасана 2b, то есть керамика, окрашенная красным цветом на кремовом фоне, датируются радиоуглеродным анализом 5000 г. до н. э. Иными словами, они совпадают с более поздними фазами Хасилара I. Заметны архитектурные сходства с этим поселением. Также есть настенная роспись с чисто геометрическими орнаментами, напоминающими меандр, сравнимая с раскрашенной керамикой того же слоя. Гармонируют и репрезентативные темы настенных изображений Чатал-Хююка. Там была хорошо развита резьба по камню, а также металлообработка, о чем свидетельствуют булава и браслет из Кан-Хасана 2b.

Хасилар представляет отдельную и отличную раннюю халколитическую культурную область, не связанную прямо с долиной Коньи. Граница между этими двумя областями, возможно, проходит по анатолийскому озерному краю, но точно не установлена. Если говорить о последовательности в Коньи, Хасилар V–II может быть более или менее точно приравнен к ранней халколитической культуре I, а Хаси-лар I – к ранней халколитической культуре II. Вместе они охватывают 5600–5000 гг. до н. э. Деревня Хасилар имеет пеструю историю. Она несколько раз уничтожалась огнем и в конце концов была перестроена в Хасиларе I. Раскрашенная керамика – отличительная черта Хасилара, без которой он не привлек бы

[51] J. Mellaart, “Çatal Hüyük West”, AS XV, 1965. P. 135–156.

[52] D.H. French в течение многих лет публиковал свои отчеты о раскопках в Кан-Хасане.

внимания археологов[53]. Здесь керамика не имеет себе равных на всем древнем Ближнем Востоке по четкости рисунка и качеству обработки поверхности. Халафская культура, возможно, может считаться равной ей технически, но не эстетически. Широкие чаши Хасилара V–III сменились в Хасиларе II овальными чашами. Предпочтение овальным сосудам подпрямоугольной формы стало чертой керамики Хасилара на протяжении всего раннего халколитического периода. В Хасиларе V–IV узоры были в основном геометрическими, а в Хасиларе III–II – более четкими и изогнутыми. Керамику производили профессиональные гончары, что подтверждается находкой в центре деревни Хасилар IIa трех смежных строений, очевидно бывших гончарными мастерскими, содержавшими запасы всевозможных сосудов.

В Хасиларе I имело место изменение керамики. Сосуды стали больше, а украшения – менее затейливыми. Теперь керамику украшали в большинстве случаев прямыми линиями – вероятно, узоры позаимствовали от плетения корзин. Появление белой краски на темном фоне – инновация, указывающая на традицию, которой предстояла очень долгая жизнь в Восточной Анатолии, и появление в других местах, таких как Мерсин XIIa. Среди людей Хасилара I, возможно, были пришельцы, но они, скорее всего, явились не издалека и успели смешаться с более ранними обитателями. Их сокрушила масштабная катастрофа – падение ранних халколитических культур, ярким представителем которых и был Хасилар.

5–4-е тыс. до н. э. на Анатолийском плато и восточнее – к Кавказу и озеру Урмия – по праву могут считаться эпохой обскурантизма. О ней мало что известно, но тогда произошло существенное снижение общего уровня материальной культуры. Подобный упадок, однако, не является очевидным в восточных районах. В Закавказье и бассейне Урмии имеющиеся свидетельства указывают если не на процветание, то, по крайней мере, на устойчивый, хотя и не слишком зрелищный рост. В этих районах начиная со второй половины 4-го тыс. до н. э. наметился культурный прогресс – пробуждение на востоке и возрождение на западе.

Не всегда адекватный и несбалансированный характер археологических свидетельств может придать культурам позднего халколитического периода в Анатолии видимость более отсталых, чем они были в действительности. Исследуя эти культуры, мы слишком полагаемся на керамику. Металла могло быть намного больше, чем предполагают археологические находки, поскольку его собирали и переплавляли для повторного использования. Есть много поселений позднего халколитического периода в некоторых частях Южной и Западной Анатолии, лишь несколько известных в ее центральной части, и ни одного – в северной. Но из них лишь некоторые были раскопаны, и совсем малое их число дало нам непрерывную стратифицированную последовательность строительных слоев. На самом деле на протяжении всего периода ее продемонстрировал только Мерсин с расположенными по соседству Тарсусом и Бейд-жесултаном – в верховьях Меандра, что в Юго-Западной Анатолии.

Кан-Хасан в какой-то степени может считаться типовым поселением в Конье. За ранней халколитической культурой II слоя 2b идет средний халколит слоя 2a и очередная фаза, в процессе которой поселение было покинуто. Кан-Хасан 2a включает пять слоев и завершается 4500 г. до н. э. или чуть позже. Далее начинается поздняя халколитическая культура, которая отличается керамикой, тяжелой и темного цвета – она встречается во всей Конье. Ее появление является настоящим прорывом, отходом от традиций более ранних периодов. Согласно существующим свидетельствам, новые места поселений выбирались пришельцами и были оставлены в конце периода, датированного в Кан-Хаса-не (слой I имеет шесть

[53] Полное описание раскрашенной керамики дано у Меллаарта в его великолепном заключительном отчете о хасиларских раскопках.

строительных уровней) примерно 4000–3600 гг. до н. э. Представляется возможным северное происхождение этой культуры, как и поздней халколитической культуры юго-запада Анатолии. Окрашенные белой краской чаши и треугольные наконечники стрел, похожие на аналогичные артефакты из Коньи, встречаются в Язире, раскопанном поселении в районе Сиврихисара, что в излучине Сакарья (Сангариус)[54].

Бейджесултан – главное поселение культуры периода позднего халколита в Юго-Западной Анатолии. В процессе раскопок была вскрыта длинная последовательность из 21 слоя с глубиной залегания, достигающей 10 м. Предполагаемый период существования поселения – 4750–3200 гг. до н. э. Он разделяется на четыре фазы (поздний халколит 1–4) производства керамики, хотя на протяжении этих веков стабильности и преемственности все же было больше, чем инноваций[55]. Подтверждается существование металлообработки, в том числе большим количеством медных инструментов из Бейджесултана XXXIV. Это шила, иглы, зубило и фрагмент лезвия кинжала – самый ранний известный образец[56]. Нет никаких причин сомневаться в существовании развитой металлообработки в Анатолии в 5-м тыс. до н. э. и после этого, особенно в свете ранних свидетельств из Чатал-Хююка, однако обычной техникой была скорее ковка, чем литье.

По свидетельствам с раскопок двух поселений Центральной Анатолии создается впечатление, что этот регион, расположенный в излучине реки Галис, населяли люди, не имевшие художественных или технических навыков, довольствовавшихся деревенской жизнью, занятием земледелием и скотоводством. В Бююк-Гюллючеке (в лесах недалеко от Алака-Хююка) находилась маленькая деревушка, состоявшая из трех или четырех домов, недолговечное поселение из двух слоев конца 4-го тыс. до н. э. Шесть слоев, включая этот период, раскопали в Алака-Хююке[57]. Захоронения в этих местах делались внутри поселения – эта традиция и в 3-м тыс. до н. э. продолжала отличать этот регион от южной и западной частей Анатолийского плато. Если погребальные традиции – указатель на этническое родство, вполне возможно, что уже в 4-м тыс. до н. э. в Центральной Анатолии жили люди, относившиеся к той же расе, что и в начале бронзового века. Скорее всего, это хаты, которые населяли эти земли до появления хеттов в 2000 г. до н. э. и впоследствии стали там доминирующим элементом. Захоронения за пределами стен поселения относятся к более «продвинутому» народу Бейджесултана (под властью которого находились и окружающие их земли, территории) времен позднего халколита.

В Восточной Анатолии, включая районы в турецких административных провинциях Малатья и Сивас, последовательность доисторических культур отличается от той, что существовала к западу от верховьев Евфрата. Сегодняшние свидетельства, касающиеся любого периода до 3-го тыс. до н. э., весьма неполны и, как правило, ограничиваются находками, обнаруженными на поверхности. Докерамическое неолитическое поселение в районе Елазиг – одно из многих, оказавшихся под угрозой из-за строительства плотины Кебан, предполагает существование там оседлых сообществ не позднее 6000 г. до н. э. Этот регион был особенно открыт влияниям со стороны Сирии и Верхней Месопотамии, и поэтому он не может считаться типичным для Восточной Анатолии в целом в более ранние периоды. Но южное влияние не следует преувеличивать, даже несмотря на то, что отдельные намеки на связь с хассунской и халафской традициями в разрисовке керамики присутство-

[54] J. Mellaart, “Early Cultures of the South Anatolian Plateau II: the Late Chalcolithic of the Konya Plain”, AS XIII, 1963. P. 199–236, etc.

[55] S. Lloyd, J. Mellaart, *Beycesultan* I, London, 1962. P. 17–26.

[56] Ibid. P. 280–283.

[57] J. Mellaart, “Anatolia, c. 4000–2300 BC” CAH I, fasc. 8. 1965.

вали в обзоре автора, выполненном в 1956 г. Теперь они утратили актуальность, ввиду активной работы команд археологов, участвовавших в спасательных работах в районе плотины Кебан. Тем не менее в том обзоре была представлена модель существования поселения, не исключая отдельных периодов малонаселенности[58]. Когда завершатся раскопки в Арслантепе (Малатья), они, безусловно, обогатят отрывочную информацию, существующую сегодня относительно периода 5500–3000 гг. до н. э. Находки этой эпохи уже есть в районе плотины Кебан – Пулур и Коруку-Тепе. В последнем найдено несколько слоев с домами, сложенными из сырцовых кирпичей. Правда, точный размер этого поселения в 4-м тыс. до н. э. пока не ясен. Представленная там керамика – от желто-коричневой до серой, лощеная, с прямым ободком и, нередко, «веревочным» орнаментом. Обсидиановые наконечники стрел были узкими, в отличие от широких, найденных на этом же месте в слоях 3-го тыс. до н. э. Выращивали там пшеницу-двузернянку и шестирядный ячмень. Радиоуглеродный анализ установил, что около 3000 г. до н. э. в поселении произошел большой пожар, который, собственно, и положил конец этому культурному периоду и почти наверняка также прибытию пришельцев, возможно с северо-востока. Среди раскопанных поселений района плотины Кебан особенно выделяется Коруку-Тепе[59].

Дальше на восток, вблизи озера Ван, располагается Тильки-Тепе – очень маленький курган. Там есть три основ ных слоя, причем в самом раннем (Тильки-Тепе III) найдена халафская керамика, раскрашенная и лощеная, очень высокого качества. Это связывали со свидетельством существования торговли обсидианом. Экспорт этой горной породы в Северную Месопотамию был известен давно: отправлялся из многих ранних поселений, включая Телль-Арпачи. Где именно добывали обсидиан, сказать невозможно, хотя Немрут-Даг, потухший вулкан на западе озера Ван, имеет все основания претендовать в качестве источника этого материала для Тильки-Тепе (по крайней мере, более близкие месторождения нам неизвестны). Обсидиан из района Вана можно отличить по внешнему виду – по коричневым крапинкам. Спектрографический анализ показал, в каком районе Ближнего Востока чаще всего он встречался. С развитием металлургии, впервые очевидной в халафской культуре, нужда в обсидиане снизилась. Это объясняет, почему за проникновением в район Вана из Северной Месопотамии до 5000 г. до н. э. не последовали постоянные контакты и влияние с юга. 5–4-е тыс. до н. э. в этих удаленных горных районах остаются для нас неизвестными: было проведено слишком мало раскопок, чтобы прийти к определенному выводу о существовании или отсутствии там оседлого населения. В Каразе, что недалеко от Эрзурума, оно определенно было по крайней мере в 4-м тыс. до н. э. Этот район оказался открыт для распространения влияния со стороны Закавказья[60].

Район Урмии и Закавказье, особенно долины Аракса и Куры, могут считаться одной большой зоной, имевшей в период 6–4-го тыс. до н. э. характерные черты. Правда, не обошлось и без местных различий. Хотя Загрос образует такой же природный барьер, как Тавр, Антитавр и их восточное продолжение к югу от озера Ван, культурное влияние из Месопотамии с самого начала было намного сильнее на Иранском плато и в Анатолии или к востоку и западу от верховьев Евфрата. Частично это стало результатом географической близости, но не менее важным оказался тот факт, что в районе Загроса, протянувшемся по обе стороны от горного раздела, возник один из отдельных центров неолитической революции[61]. Он не был изолированным от других центров Леванта и Южной Анатолии. Но если эти

[58] M.J. Mellink, “Archaeology in Asia Minor” AJA, 73, 1969. P. 209–211; AJA 74, 1970. P. 164–165, etc.

[59] C.A. Burney, “Eastern Anatolia in the Chalcolithic and Early Bronze Age”, AS VIII, 1958. P. 157–209.

[60] H.Z. Kosay, “Erzurum-Karaz Kazisi Raporu”, *Belleten* 1959. P. 349–413.

[61] J. Mellaart, CAH I, fasc. 59. P. 9–14.

два региона во многих отношениях являлись одним целым, культуры, которые развились в Загросе, стали в высшей степени самобытными и только позже подчинились месопотамскому влиянию. Самое раннее в конце 6-го тыс. до н. э. исконные культуры подверглись серьезному влиянию внешних элементов. До этого оно ощущалось в другом направлении – с гор вниз в Месопотамию. Но местные культуры оказались достаточно сильными, чтобы адаптировать элементы халафской и убейдской культур к своим нуждам. Слепого подражания чужим культурам не было никогда.

Верхний палеолитический (мезолитический) и протонео-литический периоды в Загросе уже упоминались в связи с переходом от жизни в пещерах и горных укрытиях к занятию (постоянно или сезонно) открытых площадок. Хотя такие поселения, как Джармо или Керманшах, выходят за географические рамки этой книги, именно их исследование максимально способствует правильному пониманию основных черт ранних мест обитания вокруг озера Урмия.

Экспедиция университетского музея Филадельфии несколько лет старалась воссоздать модель жизни людей в районе Солдуз, что к югу от озера Урмия. Американцы вели раскопки кургана Хасанлу и еще нескольких поселений разного периода в том же регионе[62]. В этой долине, лежащей на важном пути из Северной Месопотамии, позднее Ассирии, число найденных древних курганов сравнимо с количеством современных деревень. Это яркий пример преемственности в районе, где было – и до сих пор возможно – земледелие без ирригации. Хасанлу – слишком большой и высокий курган, чтобы слои 5–4-го тыс. до н. э., не говоря уже о более ранних, оставались доступными. Такие слои были обнаружены при раскопках Хаджи-Фируза, поселения небольших размеров. Радиоуглеродный анализ определил для второго слоя от вершины (Хаджи-Фируз V) дату 5152 г. до н. э. ± 85 и дату 5537 г. до н. э. ± 89 для более раннего слоя, что в целом согласуется с родством керамики Хаджи-Фируза с хассунской традицией. Но в то же время Хаджи-Фируз демонстрирует связи с Тепе-Сарабом, находившимся недалеко от Керманшаха, для которого радиоуглеродная датировка определила временной промежуток 6250–5850 гг. до н. э. Сам по себе Тепе-Сараб во многих отношениях сравним с Джармо, и археологи, проводившие раскопки, сомневались, какой из курганов старше[63]. Важность или, по крайней мере, хронологический приоритет обоих поселений теперь затмили результаты, полученные на раскопках другого места в районе Керманшаха – Ганджи (Гандж) – Даре-Тепе[64]. Радиоуглеродная датировка 8450 г. до н. э. ± 150 была получена при исследовании нижнего метрового слоя семиметрового кургана, где есть культурные слои, вероятно, временных поселений, поскольку нет никаких следов постоянных строений. Сверху идет четыре или пять слоев с сооружениями из сырцового кирпича, причем нижний из них сохранился благодаря огню. Некоторые сооружения были построены из больших плоско-выпуклых кирпичей и облицованы глинистым раствором. Очень интересная черта сгоревшей деревни – керамика примитивного типа, смешанная с соломой и, очевидно, обожженная только уже во время пожара, а изначально она была просто высушена на солнце. Такое свидетельство указывает на то, что развитие гончарного искусства в районе Керманшаха началось раньше, чем в любом другом поселении Ближнего Востока, и может датироваться 8-м тыс. до н. э. Некоторые стены в двух следующих слоях были отделаны белой штукатуркой. В верхней части кургана Ган-джи-Даре располагался уровень с сооружениями из небольших сырцовых кирпичей, больше не плоско-выпуклых, с оштукатуренными полами. Вторая дата 6960 г. до н. э. ± 170 определяет общее время существования этого поселения 8500–6500 гг. до н. э., хотя оно вряд ли существовало

[62] R.H. Dyson, “A Decade in Iran”, *Expedition* II. no 2. 1969.

[63] R.J. Braidwood, “The Iranian Prehistoric Project, 1959–1960”, *Iranica Antiqua* I, 1961. P. 3–7.

[64] Ph. E.L. Smith, *Iran* V, 1967. P. 139; VI. 1968. P. 158–160; VIII. 1970. P. 178–180.

дольше чем 1500 лет. Сделанные при раскопках Ганджи-Даре открытия указывают на то, что важность Тепе-Асиаб, Тепе-Сараб и даже Джармо не следует переоценивать. Ничего столь древнего еще не было найдено в бассейне Урмии или севернее его.

В небольшом кургане, расположенном в 400 м от главного кургана Яник-Тепе, в 20 милях (32 км) к юго-западу от Тебриза по направлению к озеру Урмия, при зондировании площади 15 × 5 м была обнаружена последовательность из девяти фаз, но не все отчетливые строительные слои. Две полученные при радиоуглеродном анализе даты – 5184 г. до н. э. ± 82 и 5297 г. до н. э. ± 71 означают примерное совпадение по времени с Хаджи-Фирузом, что находится южнее[65]. Общая глубина залегания – 5,5 м. Хотя период по абсолютной датировке классифицируется как ранний халколит, но находки типологически сравнимы с Тепе-Сарабом и даже Джармо, поэтому есть основания отнести их к «позднему неолиту». Принимая во внимание условия северной части озера Урмия, последний термин представляется более подходящим. Существующие свидетельства предполагают, что это самая ранняя культурная фаза в этом регионе. Керамики очень мало, она несовершенна по текстуре и обжигу, да и формы ее ограниченны: тяжелые миски и кувшины с короткими горлышками, прямыми и толстыми стенками, также плоские блюда и ладьевидные сосуды. В материале было много соломы. Такая преобладающая простая посуда имела по большей части желто-коричневый или зеленоватый цвет, но в верхних слоях встречалась и раскрашенная керамика. Если шевронное украшение предполагает совпадение по времени с Хаджи-Фирузом, другие черты указывают на более раннюю датировку. В частности, часть окрашенной посуды была покрыта известковой краской, нанесенной на красную лощенную поверхность – параллель со «шликерной краской» Брэйдвуда, что является чертой Тепе-Сараба, но не Джармо. Кроме того, каменные орудия в Яник-Тепе сравнимы с Тепе-Сарабом. Сходство особенно заметно в браслетах и чаше из Яник-Тепе – из алебастра, возможно из того же источника, что использовался в XV в. для цоколя мечети в Тебризе. Фигурок много в Джармо, немало в Тепе-Сарабе, встречаются они и в Яник-Тепе, где есть и свидетельства существования развитой обработки кости – для украшений, а также шил и иголок. Хорошо построенные дома из сырцового кирпича, прямоугольные в плане, с полами из твердого известняка, являют собой архитектуру такого же уровня, как в Хаджи-Фирузе. Таких аккуратных сооружений не нашли в Тепе-Сарабе или Джармо. Хотя представляется, что Ганджи-Даре впереди всех упомянутых поселений. Сказанное подтверждает, что в бассейне северной части озера Урмия первые оседлые сообщества появились в середине 6-го тыс. до н. э. Это ни в коей мере не противоречит известным свидетельствам из Закавказья.

Слабый намек на этническую неразрывность зоны Загроса и центров неолитической революции, находившихся к западу от Евфрата, можно увидеть в сгоревшем слое V Хаджи-Фируза, где, судя по всему, имело место некое массовое убийство. Жертвы были захоронены в трех могилах – всего 28 тел; интересная черта – использование красной охры.

В долине Аракса на сегодняшний день неизвестны места обитания 6-го тыс. до н. э., но дальнейшие раскопки вполне могут их обнаружить. Равнина вокруг Еревана – наиболее вероятное место обнаружения самых древних таких мест в Армении. Профессор Сардарян считает, что наиболее глубокие слои поселений в долине относятся к неолиту. Его убеждение основано на сравнении с материалами из пещер и открытых поселений, а также обсидиановой мастерской у подножия горы Артин. При такой трактовке сложилось мнение, что неолитическая культура Араратской долины имела местное происхождение (окрестные горы)[66].

Переходную докерамическую неолитическую фазу развития подтвердили проведенные в Армении раскопки у горы Артин: крупные образцы породы нашли в мастерской,

[65] C.A. Burney, *Iraq* XXVI. 1964. P. 55–57.

[66] S.A. Sardarian, *Primitive Society in Armenia,* Erevan, 1967. P. 327–331.

где изготавливали обсидиановые инструменты. Охота оставалась основой экономики, и нет никаких доказательств производства продуктов питания – земледелия и скотоводства, по крайней мере на основных местах проведения раскопок в Бароже (Бароше) и Загхе (Zagha). Все же там есть каменные стены, что может означать существование вовсе не кратковременных лагерных стоянок. На юго-западном склоне горы Арагац археологи обнаружили поселения, имевшие отложения в основании, приписываемые мезолитическому периоду, то есть непосредственно предшествующему началу процесса производства продуктов питания. Есть и следы зависимости жителей от охоты, но верхний слой подтверждает, что тогда уже начался процесс одомашнивания животных и обработки земли. Таким образом осуществлялся переход от собирательства еды к ее производству, значит, последующая неолитическая культура Араратской долины имела местное происхождение. В других частях Закавказья ученые пока не нашли таких стратифицированных остатков, предшествовавших появлению деревень, зависевших от земледелия и скотоводства, иными словами, свидетельств перехода от более раннего хозяйства, основанного на охоте. Хронологический приоритет поселений в Армении едва ли можно считать неожиданным, хотя это может подразумевать некоторое, пока не обнаруженное влияние со стороны юга.

Вполне может статься, что с начала 6-го тыс. до н. э. оседлая жизнь в Араратской долине окончательно укоренилась. Этот период иллюстрируется самыми глубокими слоями двух курганов – Маштоц-Блур и Кегжиак-Блур (Keg-hzyak-Blur I), причем последний расположен неподалеку от Эчмиадзина. Он отличается от первого кургана наличием керамических изделий, а также остатков мест обитания людей на равнине. Но точная их хронология долго оставалась невозможной без радиоуглеродного анализа. На местах самых ранних поселений слоев слишком мало, и они не доходят до ранней закавказской культуры 4-го тыс. до н. э., о которой мы поговорим далее.

Радиоуглеродная датировка предполагает, что некоторые самые ранние известные постоянные поселения в Закавказье находятся в среднем течении реки Куры – Шому-Тепе и Тейри-Тепе – в северо-западной части Азербайджана, и в Шулавери, к югу от Тбилиси – в Грузии. Из-за современной политической географии эта культурная провинция, протянувшаяся вдоль Куры, разделена между сферами влияния археологов Тбилиси и Баку. Оба места раскопок территориально ближе к Тбилиси. Шому-Тепе датируется 5560 г. до н. э. ± 70, что подтверждает датировку ранних деревень в Араратской долине Сардаряна. Но даты Шулавери I (4659 г. до н. э. ± 210 и 3954 г. до н. э. ± 300 с глубин 4,4 и 2,2 м соответственно) указывают на 5-е тыс. до н. э. как на время появления первых поселений в бассейне Куры. Иначе говоря, приоритет на несколько веков долины Аракса представляется допустимым[67].

Все обнаруженное на местах раскопок, отнесенных к 5–4-му тыс. до н. э. (некоторые даже датируются 5500 г. до н. э.), показывает эволюцию местных культур и черты общих традиций. Это особенно очевидно в архитектуре, поскольку круглые дома находили не только в Шулавери I, что недалеко от Тбилиси, но также в Тегуте, небольшом холме в Араратской долине, расположенном неподалеку от Эчмиадзина. Эти дома очень маленькие – около 3 м в диаметре в Тегуте и от 2 до 4,5 м – в Шулавери. Трудно сказать, являются ли круглые дома 3-го тыс. до н. э. «преемниками» периода Шулавери; было обнаружено не менее трех строительных фаз с такими типами домов. Сардарян утверждает, что в Армении нашли круглые дома диаметром 8–9 м.

В Араратской долине для самых ранних поселений характерны мягкие керамические изделия из глины, песка и соломы – круглые сосуды, миски, кувшины и чашки (на них вырезались украшения из веточек). Некоторые сосуды были с ручками. В Маштоц-Блуре и Кегжиак-Блуре I микролитическое обсидиановое производство, типичное для предшество-

[67] *Proceedings of the Academy of Sciences of the Georgian SSR* 6, 39, 1967. P. 353.

вавшего периода, постепенно исчезло. Начали производить каменные орудия, в том числе шлифованные каменные топоры и молотки, которым в Закавказье была суждена долгая жизнь. Небольшие жернова и ступки, остатки пшеницы и ячменя, найденные в кувшинах для хранения, и многочисленные зазубренные серпы и косы – все это говорит о процветавшем сельском хозяйстве. Активно велось одомашнивание крупного рогатого скота, овец, коз и собак, о чем свидетельствует широко распространенная в Закавказье наскальная живопись. Какова бы ни была точная датировка самых ранних деревень в Армении, там были прямоугольные постройки размером до 13 × 10 м, а также круглые дома.

В Тегуте, что возле Эчмиадзина, в керамике заметны следы влияния с юга или, по крайней мере, контактов. Здесь помимо обычных простых сосудов присутствует хорошо обожженная керамика, часть которой окрашена и может быть отнесена к халафскому типу. У нее тонкие стенки, изделия имеют желтовато-коричневый или красноватый цвет и покрыты красной краской, причем открашенные участки лощеные. У кувшинов расширяющиеся или выпуклые горлышки и шаровидная форма. Импорт халафской керамики также отмечен на северо-западе Азербайджана – кувшины хранятся в Бакинском музее и в Кюль-Тепе, что находится в долине Аракса. Проникновение в Закавказье торговцев с родины халафской культуры (Верхняя Месопотамия) было бы менее удивительным, если бы обнаружились следы их присутствия в бассейне Урмии. Но таковых пока нет.

Удивительные узоры раскрашенной керамики Далма-Те-пе – шевроны, треугольники, ромбы, руки – в целом характерны для района Хасанлу и вокруг него; краска – темно-пурпурная на кремовом фоне, внутри – темно-бордовая. Эту керамику нет смысла сравнивать с халафской. Определенно одно: они современники. Формы, узоры, цвета совершенно разные, да и керамика Далма-Тепе ниже по качеству и легко крошится. Обнаруженный при раскопках Яник-Тепе в центре деревни небольшой сдвиг, произошедший между халколитическим периодом и ранним бронзовым веком (ранняя закавказская культура II), дал возможность исследовать халколитические слои, где они не были скрыты под более поздними отложениями. Там только несколько окрашенных обломков из нижних халколитических слоев представляют северную оконечность культурного влияния Далмы. Ее тисненая керамика (украшения наносились пальцами или острыми предметами на мокрую поверхность) также представлена несколькими примерами из Яник-Тепе[68]. Небольшая доля этой посуды в общей коллекции халколитических слоев Яник-Тепе не принижает их значения для сравнительной хронологии, основанной на прослеживании соответствия с районом Хасанлу, расположенным в 100 милях (161 км) к югу, и для абсолютной хронологии при посредстве радиоуглеродной датировки из Далма-Тепе и Писдели-Тепе, что находились в той же долине Солдуз.

Если Далма процветала во второй половине 5-го тыс. до н. э., то три радиоуглеродные даты из Писдели-Тепе указывают на первую половину 4-го тыс. до н. э. В последней нашли раскрашенную керамику с украшениями, нанесенными черной или темно-коричневой краской на желто-коричневом или кремовом фоне. Такой тип керамики можно отнести к большой группе – убейдской традиции. Она повлияла на края Восточной Анатолии, примыкавшие к Плодородному Полумесяцу, и на часть Западного Ирана. Причем ее влияние оказалось удивительно устойчивым, как, например, в Мерсине, где она продолжала существовать еще долго после того, как умерла в Месопотамии. Более того, она распространилась на весь бассейн Урмии. Впервые это отмечено при раскопках Геой (Гёй) – Тепе, близ Резайе, в период М. Поверхностные находки автора предполагают, что раскрашенная керамика Писдели, выполненная в убейдской традиции, широко распространилась вдоль западного берега озера Урмия, а не восточного, где, как в Геой-Тепе N, самый популярный

[68] T.C. Young, “Dalma Painted Ware”, *Expedition* 5, 1963. P. 38–39.

тип окрашенной керамики имел простые узоры, нанесенные черной или темно-коричневой краской на красную лощеную поверхность – стиль, отличный от Писдели. Эта окрашенная керамическая посуда была характерна для более поздних халколитических слоев в Яник-Тепе. И эти раскопки, и стратиграфия Геой-Тепе доказывают, что красные лощеные изделия бассейна Урмии появились до того, как первые изделия Писдели, возможно, привезли с востока[69].

Местное происхождение красной лощеной керамики в бассейне Урмии подтверждают девять последовательно сменяющих друг друга халколитических слоев Яник-Тепе, некоторые из них – с промежуточными фазами. Общая глубина залегания составляет около 9 м. Преемственность керамики очевидна, хотя в самых глубоких слоях предметы были толще и хуже обожжены, чем в более поздних. Несколько раскрашенных осколков с нижних слоев датированы 5-м тыс. до н. э. После этого распространились стандартные изделия красного и желто-коричневого цвета, и так продолжалось до Яник-Тепе XXV, последнего халколитического слоя. Должно быть, имел место перерыв после конца небольшого поселения, расположенного неподалеку от Яник-Тепе, но в целом халколитическая последовательность демонстрирует большой период времени и строгий консерватизм. Простой открытый неглубокий сосуд и кувшин с коротким горлышком – самые распространенные керамические формы. Среди других можно назвать большие мелкие блюда, чаши на ножках, кубки, горшки и др. Редкий тип украшения – схематичное выпуклое изображение человеческого лица, на месте глаз – кусочки обсидиана, вставленные в глину перед обжигом. Обычный тип украшения – узоры, нарисованные черной или темно-коричневой краской на красном фоне. В кургане у северного берега озера Урмия обнаружили черепки кубков с нанесенными краской узорами, которых не было в Яник-Тепе.

Помимо упомянутого выше импорта халафской культуры в Закавказье почти нет параллелей материалам Далмы и Писдели. Хотя, возможно, раскрашенная керамика, обнаруженная Йессеном в Мильской степи – в Азербайджане, что к северу от Аракса, вероятно, имеет некоторое сходство с посудой Далмы: украшения включают шевроны и простые линейные узоры, нанесенные темно-красным, черным или коричневым цветом на желто-коричневый или розовато-коричневый фон[70]. Но точно о сходстве говорить пока нельзя. Более определенная связь с керамикой Далмы (бассейн Урмии) видна в Иланли-Тепе, где в небольшом поселении (50 × 50 м) были найдены остатки прямоугольных и криволинейных построек из «выпуклых» сырцовых кирпичей. Жители использовали пращу – уникальное явление для этого периода в Закавказье. Стандартный набор керамики включает большие кувшины, высотой до метра, весьма грубо изготовленные, а также изделия для повседневного использования более высокого качества, некоторые из них с тиснеными украшениями, нанесенными острыми прутиками на мокрую глину. Такую декоративную технику можно сравнить с той, что используется при производстве керамики в Далме. Предположение, что это украшение доказывает факт распространения на северо-запад Ирана керамического стиля с Балкан через юг России в Закавказье и наличие культурного влияния с севера, в данный момент представляется маловероятным. Культурная связь южной части бассейна Урмии с Азербайджаном – намного правдоподобнее. В Илани-Тепе другой стиль украшения – нанесение на поверхность насечек – датируется началом 4-го тыс. до н. э. В Яник-Тепе было то же самое, но там имелись скрытые насечки. Они наносились на влажную глину для лучшего прилегания шликера.

В долине Куры – в среднем течении реки – находится самое крапное скопление поселений периода 5500–3250 гг. до н. э., исследованное грузинскими и азербайджанскими архео-

[69] R.H. Dyson, T.C. Young, “Pisdeli Tepe”, *Antiquity* XXXIV, 1960. P. 19–28.

[70] A.A. Iessen, “The Caucasus and the Ancient East in the Fourth and Third Millennia BC”, KSIA 93. 1963. P. 3–14, etc.

логами. Шому-Тепе, вероятно самое раннее поселение, имеет свидетельства существования обработки кости в виде пик; обсидиан добывали на горе Келбеген – к востоку от озера Севан. Оттиски на некоторых керамических предметах указывают на плетение циновок и тканей. Керамика ничем не примечательна – черная или грязно-красная, лишь небольшая часть ее – лощеная. Плоское основание, выступающее за границы сосуда, указывает на возможную параллель с ранним периодом Яник-Тепе. Отсутствие ручек контрастирует с их присутствием на керамике в Мильской степи и в Кюль-Тепе. Разница, вероятно, связана с датировкой[71].

В 5-м тыс. до н. э. керамика в Шулавери I была довольно грубой. Кувшины с горлышком и без, некоторые – с подставками; украшения – насечки, обычно в виде шевронов или елочки, шишки; шарики или зазубрины – вдоль ободка. Рельефное изображение змеи – очень ранний пример мотива, который впоследствии широко распространился в Закавказье. Обсидиановое производство было хорошо развито, как и изготовление каменных орудий, для чего использовался серпентин и базальт. Люди умели обрабатывать кость (оленьи рога) и, вероятно, использовали их для всевозможных копательных орудий. В поселении Имирис-Гора, расположенном недалеко от Шулавери, та же материальная культура. В Шулавери II дома были уже не круглые, а овальные, а керамика стала менее украшенной, зато лучше лощеной[72].

Одна керамика, собранная Т. Чубинишвили и датированная 5–4-м тыс. до н. э., делалась с использованием соломы, другая – кусочков базальта. Цопи, Арухло и Садахло – эти поселения располагаются в той же части Восточной Грузии, что и Шулавери, и в каждом присутствуют собственные особенности керамики. Грязно-серые, красновато-коричневые и желто-коричневые изделия встречаются в Цопи, где модель быка иллюстрирует роль скотоводства в деревенской экономике Восточной Грузии этого периода. В Арухло керамику украшали шишечками и полукруглыми ручками. Шишечки обычно располагались в два ряда или прямо под ободком, или вертикально – на горлышках кувшинов. Аналогичные украшения встречаются в Шому-Тепе. Как и в Шулавери, топорища из серпентина и гранита в Арухло демонстрируют продвинутую технику обработки камня. Дата материала из этого поселения – 4000 г. до н. э. Согласно Т. Чубинишвили, булла (медальон) из Арухло с изображением рогатого животного имеет сходство с Геой-Тепе M и, возможно, также с месопотамскими цилиндрическими печатями в стиле Джемдет-Насра – с рядами рогатых животных. Если так, эта параллель подразумевает более позднюю дату – ближе к 3000 г. до н. э. В Садахло люди жили в 4–3-м тыс. до н. э.

Таким образом, в долине Куры довольно долго существовала материальная культура, которая характеризовалась особенной архитектурой, а также сравнительно грубой, но легкоузнаваемой керамикой. Проживавшие там люди достигли высокого мастерства в обработке камня. Немного дальше, в Северной Осетии, керамика, такая же как в Цопи, была обнаружена в Шау-Легате. Говорят, что есть более поздние параллели на Северном Кавказе. В Самеле-Кльде, Лисьей пещере (в Чиатуре, северо-запад Грузии) керамика датируется 3250–3000 гг. до н. э., хотя встречаются осколки и более ранних изделий. Есть свидетельства высокого мастерства в изготовлении каменных орудий: топорища из серпентина и базальта (в Шулавери).

Закавказские надписи и рисунки на камне невозможно обсудить здесь подробно, как и с определенностью связать их с тем или иным поселением. Самая большая группа наскальных рисунков находится в Кобистане (Гобустане), в 40 милях (64 км) к югу от Баку,

---

[71] T.N. Chubinishvili, K.Kh. Kushnareva, “New Materials on the Eneolithic of the Southern Caucasus, *Proceedings of the Academy of Sciences of the Georgian SSR* 6, 39. 1967. P. 336–362.

[72] O.M. Japaridze, A.I. Javakhishvili, “Results of the Work of the Kvemo-Kartlian Archaeological Expedition (1965–1966)”, *Proceedings of the Academy of Sciences of the Georgian SSR* 3. 1967. P. 292–298.

недалеко от каспийского побережья. На полуострове Апшерон, совсем рядом с Баку и нефтяными месторождениями, в районе Дюбенди, есть маленькая пещера с изображением трех в высшей степени стилизованных человеческих фигур, козла и быка. Арсланов, специалист по наскальной живописи, считает, что в этой пещере существует хронологическая последовательность, как та, что основана на свидетельствах четырех тысяч рисунков на скалах Кобистана, по смыслу применимая к другим рисункам. Козел относится к раннему бронзовому веку (3-е тыс. до н. э.), хотя в соседнем поселении позднего бронзового века фигурки козлов встречаются на плитах, формирующих каменное ограждение, что указывает на развитие даже в начале 1-го тыс. до н. э. искусства резьбы по камню. У изображенного в этой маленькой пещере быка, похоже, козлиная голова. Рисунков в Кобистане бесчисленное множество, и они еще требуют длительного изучения. Стратифицированные залежи у одной из скал были связаны с вертикальной последовательностью изменения рисунков. Крупные быки, вероятно представляющие bos primigenius, считаются типичными для ранних фаз, однако когда именно это было – вопрос открытый. Странные женские фигурки наводят на мысль о существовании культа плодородия. На некоторых рисунках представлены длинные гребные лодки. Предположительно, они использовались на Каспийском море, но когда и кем – сказать невозможно. Множественные изображения лошадей, часто наложенные на изображения крупного рогатого скота, должно быть, были нанесены позже, не раньше 2000 г. до н. э. Хотя почти наверняка наскальные рисунки Кобистана относятся к неолитическому или более раннему периоду, они все же, вероятнее всего, были выполнены позднее, чем армянские наскальные изображения, обнаруженные на горе Арагац, Гегамском хребте, Сюнике, а также в Загха и Нал-Тепе. Примечательными чертами являются сюжет, связанный с охотой, и маленькие размеры людей и животных. В Нал-Тепе есть изображение группы охотников, которых сопровождают женщина и ребенок. Мужчины вооружены луками, стрелами, копьями и гарпунами, с ними собаки. Они охотятся, судя по всему, на диких овец, серн и оленей[73]. Как и в охотничьих сценах из Чатал-Хююка, которые, вероятнее всего, выполнены примерно в то же самое время, в армянских рисунках часто передано ощущение быстрого движения. Это искусство в высшей степени непосредственно, хотя смысл изображенного часто остается непонятным современному человеку. Представляется, что чем более скованный и шаблонный рисунок, тем позднее он выполнен. Хотя все еще очень сложно, если не сказать невозможно, связать искусство резьбы по камню с точными периодами существования деревенских поселений.

4-е тыс. до н. э. заслуживает подробного обсуждения, поскольку оно непосредственно предшествовало ранней закавказской культуре, которая расцвела в последней четверти этого периода. К сожалению, существующие свидетельства чрезвычайно скудны. Лишь немногие поселения имеют слои, точно приписываемые периоду 4000–3250 гг. до н. э. Такие поселения в основном существовали и в следующем тысячелетии, когда и достигли своего наивысшего расцвета. Кюль-Тепе IA, расположенное в Нахичеванском районе долины Аракса, – наиболее известное поселение этого периода. Там он представлен 8,3-метровыми отложениями от девственной почвы на глубине 12,8–21,1 м, где последовательность слоев прерывается лишенным какого-либо своеобразия слоем толщиной 1 фут (30,5 см). Простая керамика изготовлена довольно грубо и представлена кувшинами с короткими горлышками и без них. Есть часть раскрашенной керамики, но краска нанесена небрежно. Пряслица указывают на ткачество. Некоторые металлические предметы из ранних слоев изготовлены из чистой меди, другие содержат от 0,4 до 0,7 % мышьяка. Судя по всему, людям были известны только ковка и отжиг. Встречаются кремневые клинки, но более важным оставалось обсидиановое производство. Сырье, которым также пользовались жители Шому-Тепе,

[73] *Primitive Society in Armenia,* Erevan, 1967. P. 326–327.

поступало из месторождения, находившегося к востоку от озера Севан. Найденные здесь каменные молотки и зубила указывают на существование техники обработки камня. Были обнаружены и серпы с маленькими кремневыми или обсидиановыми лезвиями и костяными ручками. Кюль-Тепе – не одно поселение в этой части Закавказья, относящееся к 4-му тыс. до н. э. В основании высокого кургана Каракёпек-Тепе (ниже по течению от Нахичевани) также были найдены халколитические остатки. Но Кюль-Тепе имеет особое значение – из-за значительной последовательности слоев. Две радиоуглеродные датировки помогли создать неприу-крашенную картину Закавказья до ранней закавказской культуры: одна дата относится к образцу, извлеченному с глубины 18,2 м, то есть недалеко от девственной почвы – 3807 г. до н. э. ±90; второй образец извлечен с глубины 15,35 м и датирован 2908 г. до н. э. ± 150; вторая дата представляется заниженной, тем более в свете третьей радиоуглеродной датировки образца, извлеченного с глубины всего лишь 8,5 м, – 2920 г. до н. э. ± 90.

В Араратской долине и вокруг нее есть несколько древних поселений с культурными слоями, вероятно непосредственно предшествовавшими переходу к ранней закавказской культуре. Шенгавит I, Шреш-Блур I, Мохра-Блур I, Сев-Блур I и др. описываются как переходные к этому культурному периоду. К нему же относится Кюль-Тепе IB (Нахичевань). Для керамики 4-го тыс. до н. э. характерен светло-желтый лощеный шликер поверх основы, обожженной при умеренных температурах, при этом глина смешана с песком. Сардарян назвал этот период поздним неолитом. Геометрические и репрезентативные рисунки, такие как веточки, иногда наносились на керамику нарезкой. Также здесь присутствует орнамент в виде пунктира. В Кюль-Тепе найдены чашки с ручками в виде выступов со светло-желтым шликером или окрашенные в красный, серый и коричневый цвет. Сельскохозяйственная экономика развивалась в направлении, определенном в 5-м тыс. до н. э. Совершенствовалась техника обработки камня, на что указывают найденные каменные топоры, молотки и мотыги. Однако представляется, что охота по-прежнему оставалась для людей важным источником продовольствия.

С завершением этого культурного периода в Армении и Грузии родилась новая эра. Ее приход окутан туманом неизвестности. Немногочисленные обнаруженные свидетельства будут описаны далее. Старый простой уклад деревенской жизни уступил место культуре, возможно сначала не слишком отличающейся от предыдущей, но с большим потенциалом и множеством ответвлений. В настоящей книге мы рассмотрим горные районы – Закавказье, Северо-Западный Иран и Восточную Анатолию.

Глава 3
От Кавказа до Евфрата – ранняя закавказская культура

В последней четверти 4-го тыс. до н. э. вся обширная зона – от Кавказа до территории за верхним Евфратом и озера Урмия – начала демонстрировать общее единообразие материальной культуры. Процесс продолжался еще больше тысячи лет. Он предполагает этническое единство, которое, учитывая чисто доисторические свидетельства, трудно доказать. Возможно, однажды необходимые данные предоставят антропологи. Такой информации в настоящее время нет, поэтому, когда речь идет о населении этого горного района в 3-м тыс. до н. э., невозможно избежать обращения к другим территориям и более поздним периодам. Возможный альтернативный источник свидетельств – глоттохронология – метод сравнительно-исторического языкознания, который с помощью статистических методов позволяет восстановить звуки разговорного языка за много веков до самых первых письменных документов из данного региона[74]. Автор настоящей книги считает, что, поскольку лингвистическое развитие – бесценный источник информации о происхождении этнических групп, зачастую является единственным, он не может дать надежные свидетельства за пределами обычной степени предусмотрительности. Математические навыки могут увести довольно далеко от исторической достоверности. Некоторые выводы по поводу этнического сходства даны ниже. Однако нельзя не предостеречь относительно неодинакового уровня знаний о разных регионах обширной зоны, в которой существовала эта культура, о проблемах терминологии и ограниченных рамках детальной хронологии.

Сейчас об этой культуре известно намного больше, чем в первые десятилетия после Второй мировой войны. Эти знания по большей части являются результатом кропотливой работы многих советских археологов из трех закавказских республик – Армении, Грузии и Азербайджана. Там исследование ранней закавказской культуры, которую в этих республиках называли Куроаракской, считалось почетным делом. В процессе раскопок обнаружили массу находок, которые исследовали лучшие специалисты республик. Полученные материалы были дополнены результатами немногочисленных раскопок в Турции и Иране, а также исследованиями автора настоящей книги[75]. Спасательные операции в районе Элезыга, на территории, которая должна была быть затопленной после строительства плотины Кебан, также дополнили знания об этой широко распространившейся культуре. Все это можно сравнить с результатами раскопок в районе Малатьи[76]. На основании всего упомянутого можно сделать намного более убедительные выводы, чем раньше, но многие вопросы все еще остаются без ответа.

В специализированных публикациях, посвященных этой культуре, никогда не было унифицированной терминологии. Большинство советских ученых использовали понятие «куроаракская культура», а Пиотровский и Мунчаев называли ее энеолитической культурой Закавказья. Термин «энеолитический» часто использовался советскими специалистами для обозначения большей части этого периода, хотя третья, и последняя, его фаза считается «ранним бронзовым веком». Есть еще один термин – «закавказский медный век». Отме-

---

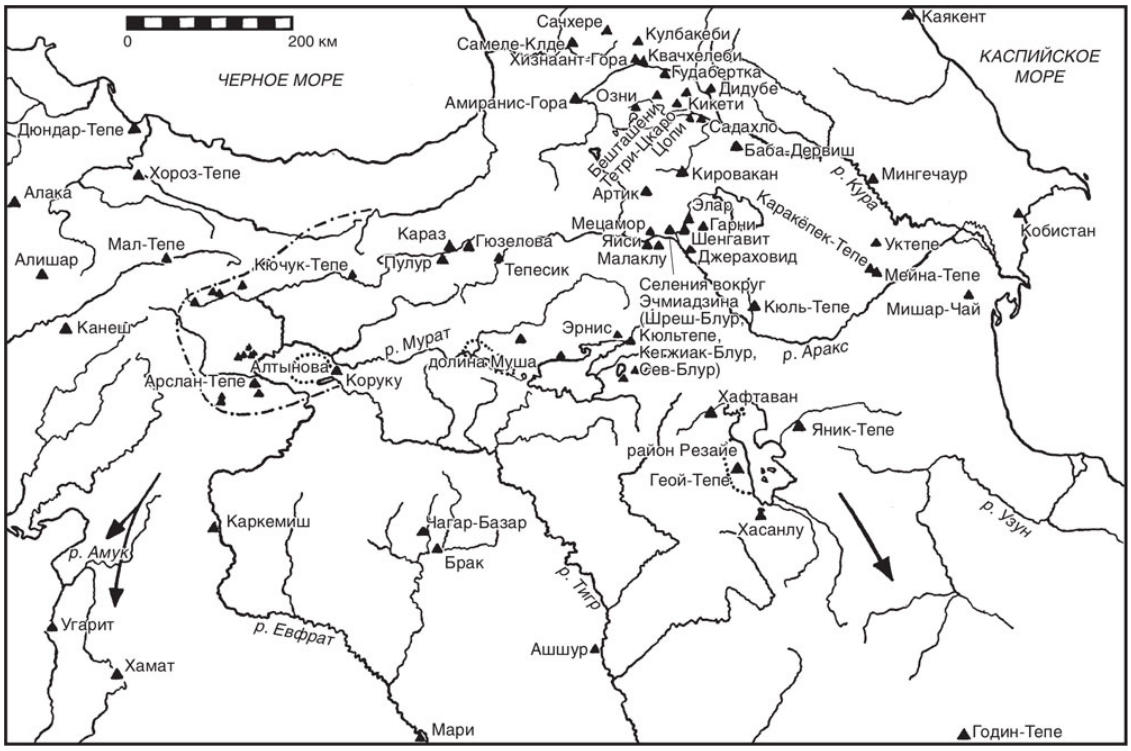
[74] T.V. Gamkrelidze, "'Anatolian Languages' and the Problem of Indo-European Migration to Asia Minor", *Seventh International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences,* Moscow. August. 1964.

[75] T.N. Chubinishvili, "The Interconnections between the Caucasian and the Near East Cultures in the Third Millenium BC", *Seventh International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences,* Moscow. August. 1964.

[76] A. Palmieri, "Insediamento de Bronzo Antico a Gelinciktepe (Malatya)", *Origini* I. 1967. P. 117–193.

тим, что эти понятия более тесно связаны с этапами развития металлообработки, чем те, что использовались, к примеру, в Анатолии, несоветскими археологами. Все зависит от важности, придаваемой производству керамики и металлообработке соответственно. Другие термины отражают подход, основанный на части культурной зоны, расположенной в Турции и Иране. Так, например, автор данной книги ввел понятие «ранний анатолийский бронзовый век», а Р. Дайсон – «культура Яник». Против последнего можно возразить: раскопки Яник-Тепе, безусловно, важны, но не там зародилась эта культура. Трудно найти выражение, которое было бы одновременно и коротким, и смысловым. Термин «ранняя хурритская культура» является в какой-то степени оправданным, однако остается спорным, да и в любом случае нежелательно навешивать этнические ярлыки на доисторические культуры. Если какое-то одно поселение взять как типовое и его именем назвать всю культуру, то ее следует именовать шенгавитской, но и это вряд ли правильно. Можно было бы рекомендовать понятие «восточноанатолийская ранняя бронзовая культура», но вот только появление бронзы имело место лишь в трех последних столетиях 3-го тыс. до н. э. Ни один географический термин для этой культуры не лишен неадекватности или анахронизма. В данной книге предложено и используется понятие «ранняя закавказская культура», которое не противоречит археологическим свидетельствам. Более полное название «ранняя закавказская и восточноанатолийская культура» представляется слишком длинным.

На карте 2 показан регион распространения этой культуры. Здесь видны некоторые центры скопления поселений, среди них – долина Аракса. Можно утверждать, что только благодаря своему географическому положению она вполне могла быть местом зарождения культуры, которая уже оттуда распространилась в разных направлениях. Теория весьма привлекательна, но едва ли может основываться только на распределении мест обитания людей. Сначала следует рассмотреть и сравнить характер, развитие и хронологию материалов из каждого региона в рамках культурной зоны, а уж потом выдвигать теорию относительно места зарождения культуры. Это тем более необходимо ввиду существующих у многих археологов тенденций считать свой район работы – даже одно-единственное поселение – местом зарождения культуры, откуда пошло ее распространение. Физическая география высокогорной зоны такова, что некоторые регионы мало населены, а в других – плотность населения чрезвычайно высока. Так что распределение поселений само по себе не может означать внешнего или местного происхождения культуры.



Карта 2. **Важные поселения ранней закавказской культурной зоны и за ее пределами (Стрелки показывают направление распространения культуры от места ее зарождения. Прерывистая линия обозначает примерную западную границу культурной зоны. Линии из точек окружают районы особенно плотной занятости, куда следует включить также долину вокруг Еревана)**

Тройственное разделение доисторических культур чрезвычайно популярно у археологов. Разве не должны все этапы человеческого развития иметь начало, середину и конец? Такое разделение на три основных периода было предложено для ранней закавказской культуры историками Армении и Грузии; для восточноанатолийской части – автором; для современного периода К Геой-Тепе – археологом, проводившим там раскопки. Сейчас о культурной последовательности 3-го тыс. до н. э. в Грузии и Армении известно достаточно много, чтобы отнести все материалы к одному из периодов. Но радиоуглеродный анализ проводился слишком редко, чтобы на соответствующие даты можно было полностью полагаться, хотя они, безусловно, дают достаточно упорядоченную последовательность периодов. Даты также показывают, что теорию проникновения в северном направлении к Кавказу нельзя принять без дополнительных исследований, потому что в двух поселениях Грузии – Квачхелеби (Квацхелеби) и Амиранис-Гора – культурные слои датируются 3000 г. до н. э. Для Квачхелеби С1 дата 2800 г. до н. э. ± 90 была получена из культурного слоя, под которым располагается еще два. А для поселения Амиранис-Гора мы располагаем двумя датами, полученными не из самого нижнего слоя: 2835 г. до н. э. ± 170 и 2680 г. до н. э. ± 180. Южнее – в долине Аракса – из Кюль-Тепе II определили дату – 2920 г. до н. э. ± 90. Близость трех радиоуглеродных дат из отдельных поселений делает их еще более убедительными. Правда, хотелось бы иметь больше дат, особенно из Армении, где неизвестны более ранние периоды, чем третья заключительная фаза ранней закавказской культуры. Для абсолютной хронологии второго периода есть одна дата из Геой-Тепе – 2574 г. до н. э. ± 146; из Яник-Тепе – от 2621 г. до н. э. ± 79 до 2324 г. до н. э. ± 78. В третий период попадает две даты из Яник-Тепе: 2086 г. до н. э. ± 104 и 1816 г. до н. э. ± 63, и одна из Шенгевита IV – 2060 г. до н. э. ± 80. Все это дает возможность установить примерную продолжительность этой культуры-долгожитель-

ницы: от 3250 до 1750 г. до н. э. При этом ранние культурные слои во многих регионах возникли намного позже даты начала самой культуры, а остатки в таких консервативных регионах, как Ванский, должно быть, сохранились и до 1500 г. до н. э. Отметим, что единственно бесспорное свидетельство для такой низкой датировки конца ранней закавказской культуры в Ванском регионе дают радиоуглеродные даты из Яник-Тепе закавказской культуры. Иначе таким образом всего лишь заполнялся пробел до подъема Урарту. Свидетельства из Хафтавана (северо-восточный край озера Урмия) дают основания полагать, что аналогичный консерватизм существовал и там[77].

С увеличением числа материальных свидетельств более ранние упрощенные теории в какой-то мере утрачивают силу. Эволюция ранней закавказской культуры в целом была сложнее, чем предполагалось изначально. Один из выводов автора[78] о том, что вначале существовала удивительная однородность материальной культуры (это подтверждает факт наличия керамики в обширной зоне – от Малатьи до Кавказа и от Эрзинкана до озера Урмия), остался в силе. Так же как и общее утверждение, что эта однородность имела тенденцию распадаться на региональные варианты, хотя она отчетливо проявилась только в третьем периоде трехчастного хронологического разделения. Так что вполне мог существовать период быстрого и широкого заселения этой горной зоны пришельцами, за которым последовал более длительный этап культурной стабильности, при этом переход занял несколько столетий.

Большой интерес историков и филологов к приходу индоевропейцев, особенно хеттов, на Ближний Восток через Кавказ около 2000 г. до н. э. и позже предполагает изменение материальной культуры на рассматриваемой горной территории, по крайней мере в Закавказье и Восточной Анатолии. Тем не менее нарушение непрерывности вовсе не является очевидным. Важные перемены, произошедшие в третьем культурном периоде, явившиеся результатом прогресса в металлообработке и торговле, представляются заслугой местного населения, а не индоевропейских пришельцев, археологических следов которых найдено крайне мало. Более того, ранняя закавказская культура, продолжившаяся в разной степени в начале 2-го тыс. до н. э., оказала глубокое влияние на последующие культуры.

Объяснить долговечность и высокую приспособляемость ранней закавказской культуры можно по-разному. Но, как подчеркивали советские археологи, в результате была достигнута экономическая стабильность, основанная на земледелии и скотоводстве. Где эти средства существования изменились во 2-м тыс. до н. э., там была нарушена непрерывность оседлой жизни. Но в тех местах, где земледельцы и скотоводы сохранили образ жизни своих предков, культурные традиции продолжились, хотя и модифицировались, так что со временем перестали быть узнаваемыми в артефактах.

Попытка поместить население ранней закавказской культуры в контекст Древнего Ближнего Востока, где письменные документы начали давать скудную историческую информацию, представляется вполне уместной. Физическая антропология не помогает, так же как и записи из самой высокогорной зоны до IX в. до н. э. – Урарту. Единственное исключение – стела, установленная Тиглатпаласаром I в долине возле Буланика, расположенного в верховьях Мурата (Арсании). Известно, что язык урартов был родствен хурритскому, причем настолько, что его вполне можно считать потомком хурритского языка, хотя, вероятно, не все филологи со мной согласятся.

Таким образом, есть основания считать урартов принадлежавшими к роду хурритов. Этому выводу не противоречит их широкое расселение в Северной Сирии и Месопотамии

[77] Burney, *Iran* VIII. 1970. P. 164.

[78] Burney, AS VIII. 1958. P. 167–168.

во 2-м тыс. до н. э. Таблички из Нузи и Алалаха – источники, свидетельствующие о хурритском присутствии в центральной части Плодородного Полумесяца[79]. Хеттский царь Мурсили I, совершивший успешное молниеносное нападение на Вавилон, датируемое по «средней хронологии» примерно 1595 г. до н. э., положил конец династии Хаммурапи. Он же позволил касситам, народу индоевропейского происхождения, постепенно проникавшему на равнины с Загроса, установить контроль над Вавилоном, который они сохраняли четыре столетия. По пути домой Мурсили угрожали хурриты – на территории, по которой с добычей шла его армия[80].

Хурриты также обосновались на средиземноморском побережье, где такие финикийские города, как Арвад, и в последующие века сохранили свои хурритские названия. Они продвинулись дальше в западном направлении – в Киззуватну (впоследствии Киликия), где оказывали доминирующее влияние на хеттский двор. Роль хурритов на Ближнем Востоке во 2-м тыс. до н. э. оказалась чрезвычайно значительной. Хотя понятно, что в Сирии и Северной Месопотамии они были пришельцами, где смешались с разными группами семитов, среди которых политически господствовали аморитыы[81]. Тем не менее хурритский элемент населения Киззуватны вторгся на равнину, где уже жили индоевропейцы из числа лувийцев, вероятно родом с северо-запада Анатолии, и их прибытие (2300 г. до н. э.) ознаменовало собой начало киликийского раннего бронзового периода III[82]. По прошествии примерно двух столетий (в 2100 г. до н. э.) в Киззуватне появилась раскрашенная керамика, совершенно отличная от продукции раннего бронзового периода III, имеющая несомненное сходство с керамикой Алалаха и других поселений Северной Сирии. Происхождение этой раскрашенной керамики из ранней закавказской подпровинции III региона Элязыг – Малатья представляется возможным, хотя влияние могло распространяться в другом направлении – из Сирии на север в долину Верхнего Евфрата[83]. Киликийский средний бронзовый век начался с появления этой раскрашенной керамики, при этом источники хеттов отмечают там культурное господство своего народа на несколько веков позже, в позднем бронзовом веке. Никакая промежуточная дата прибытия хурритов в Киззуватну не представляется правдоподобной. Вероятнее всего, они все же начали селиться там около 2100 г. до н. э. До этого они присутствовали в северной части Сирии, откуда и явились.

Таким образом, хурриты могут причисляться к элементам цивилизации Ближнего Востока за пределами высокогорной зоны до 2000 г. до н. э. Поддерживает эту гипотезу наличие хурритских личных имен на табличках аккадского периода (2340–2180 гг. до н. э.) в Чагар-Базаре, расположенном на реке Хабур[84]. Их появление на этом судоходном притоке Евфрата означает, что хурриты уже тогда начали получать доступ к богатой торговле Месопотамии, расширявшейся при посредстве военных и торговых экспедиций Саргона Аккадского и его преемников, в первую очередь его внука Нарам-Сина. Эти экспедиции, хотя и имевшие, по крайней мере частично, традиционные цели, открывали новые рынки и вполне могли облегчить создание ассирийской торговой колонии в Канеше (Кюль-Тепе), что в центральной части Анатолии, после чего были созданы и другие подобные колонии[85]. Они находились скорее на хеттской, чем на хурритской территории. Но важный путь в Цен-

[79] I.J. Gelb, P.M. Purves, A.M. MacRae, *Nuzi Personal Names,* OIP LVII. 1943.

[80] O.R. Gurney, “Anatolia, c. 1750–1600 BC”, CAH II, fasc. II. P. 24–26.

[81] E.A. Speiser, “The Hurrian Participation in the Civilizations of Mesopotamia, Syria and Palestine”, *Cahiers d’Histoire Mondiale,* I. 1953–1954. P. 311–327.

[82] J. Mellaart, “The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean”, AJA 62. 1958. P. 9–33.

[83] (a) *Chronologies.* P. 119; (b) Burney, AS VIII. 1958. P. 205–208.

[84] C.J. Gadd, “Tablets from Chagar Bazar and Tall Brak, 1937–1938”, *Iraq* VII. 1940. P. 22–66. Там же имеются ссылки на хурритские божественные имена.

[85] P. Garelli, *Les Assyriens en Cappadoce,* Paris, 1963. В работе подробно описываются опубликованные таблички.

тральную Анатолию проходил через Элязыг, позднее известный хеттам как Исуа, чье население было (через связи с Северной Сирией), вероятно, хурритским, по крайней мере к началу третьего периода ранней закавказской культуры. Рост месопотамской торговли, особенно в аккадский период и при Третьей династии Ура, очень вероятно, стал магнитом, притягивавшим хурритов на юг, в Сирию.

Все сказанное выше предполагает некую родину, откуда хурриты вторглись на окружавшие их территории – к югу и западу. Эта родина могла быть только в горном районе. Тогда кто, кроме хурритов, мог оставить после себя раннюю закавказскую культуру? Ни одна теория о том, что они могли прийти из-за Кавказских гор и преодолеть их, не оставив ни малейшего следа, не выдерживает критики, хотя, конечно, кочевники могли передвигаться незаметно. Существовавшая в 3-м тыс. до н. э. общая культурная целостность высокогорной зоны, о которой уже говорилось, подразумевает этническую стабильность, хотя и не доказывает ее. Очевидный вывод – население было хурритским и оставалось таковым с конца 4-го тыс. до н. э.

Возражение этой теории этнической целостности может быть выдвинуто на основании того, что сокровища Майкопа, большого кургана в долине Кубани, и Алаки, богатого кладбища на плато Центральной Анатолии, указывают на культурное и этническое вторжение из северных степей до самой Анатолии. Это предположение, вероятно, частично основано на убеждении, что украшения в виде животных, самые ранние проявления которых встречаются в Майкопе (вопрос спорный), были творением кочевников северных степей. Один ученый даже нашел индоевропейские родственные черты в Майкопе и Алаке, связав последнюю с теми хеттами, которые поселились в излучине реки Галис[86]. Это утверждение можно считать необоснованным. Люди Алаки были хаттами, имевшими малоазиатские, а не индоевропейские корни. Они населяли и контролировали часть Анатолийского плато, к западу от территории хурритов. Культурное влияние распространялось из Алаки и окрестностей, вероятно через Хороз-Тепе и поселения, расположенные возле понтийского побережья и на нем, к Майкопу, а не обратно. Это можно рассматривать как еще одно проявление ближневосточного влияния через Кавказ и соседние степи, последовавшего после контактов между горцами и населением северного края Плодородного Полумесяца. Но то, что небольшой класс воинов индоевропейской расы возвел курганы раннекубанской фазы и добрался до Алаки, не повлияло на формирование родственных черт населения Алаки и Майкопа, равно как и на расовый состав его большинства.

Лощеная керамика ранней закавказской культуры со смелыми украшениями – рельефными и вырезанными – изначально стала изучаться ближневосточными археологами во вторичной форме, обычно именуемой Хирбет-Керак, по названию поселения в долине Иордана (Бет-Йерах)[87]. Но как обычно, когда культура или тип артефакта именуется по названию одного поселения, это оказалось не самым важным местом находок. Большое количество такой керамики обнаружили в долине близ Антиохии (Амук), где американские исследователи приписали ее к фазам Амук H и I. Кроме разных сосудов, здесь в слое 11 Телль-Джудейде[88] был найден очаг в форме подковы, характерный для ранней закавказской культуры и известный из многих поселений. Архитектурные параллели с горной зоной включают присутствие глиняных скамей и ларей, сравнимых с Яник-Тепе и датированных примерно тем же временем. Красно- и чернолощеная керамика типа Хирбет-Керак была обнаружена в Телль-Джудейде (это самое важное место), а также в поселениях Чатал-Хююк, Телль-Таи-

[86] (a) M. Gimbutas, “The Indo-Europeans: Archeological problems”, *American Anthropologist* 65. 1963. P. 815–836; (b) *Chronologies*. P. 487.

[87] B. Maisler (Mazar), M. Stekelis, M. Avi Yonah, “The Excavations at Beth-Yerah 1944–1946”, *Israel Exploration Journal* 2. 1952. P. 165–173.

[88] *Excavations in the Plain of Antioch* I. P. 358–368 (Amuq H), 398–403 (Amuq I), 518–521.

нат и Телль-Дахаб. Иными словами, она была широко распространенной. Кто бы ни создал эту керамику, это было местное произведение. Глину брали здесь же, то есть на равнину Амук прибывали люди, а не посуда. Создается впечатление, что Брэйдвуд упустил важность этой керамики в Амук H-1, поскольку не уделил ей внимания, назвав региональным вариантом общего анатолийского развития старой сиро-киликийской чернолощеной керамики[89]. Однако Брэйдвуд подчеркнул использование более чем одного цвета, кроме черного. Большая часть посуды ранней закавказской культуры не является черной, а скорее наоборот – светлой. Керамика типа Хирбет-Керак, безусловно, имела хурритское происхождение, но развивалась в местных традициях. На ней имеются резные украшения, иногда – изображения птицы, хотя нарезка в основном расположена на крышках. Амук H включает шесть слоев (12–7) в Телль-Джудейде и четыре (9–6) в Телль-Таинате. В следующей фазе, Амук I, эта посуда встречается бок о бок с другой. На юге (в Сирии и Палестине), где раскопок было много, керамику Хирбет-Керака тоже находят, хотя чем южнее место раскопок, тем меньше. В Иерихоне, например, ее обнаруживали только в захоронениях[90]. Ее хронология первоначально давала некоторые основания для датировки культуры горной зоны – до появления радиоуглеродного анализа. Ее можно было приписать к третьему периоду раннего палестинского бронзового века, современному Египетскому древнему царству и датировать посредством надежных египетских связей. Это означает приход в Палестину северян, которые смешались с семитским населением: ничто в палестинской археологии не мешает считать их хурритами. Таким образом, они присутствовали, правда в небольшом количестве, когда в начале среднего бронзового века пришли аморитыы[91], что повлекло за собой упадок городской жизни и возврат к кочевничеству. Хурриты определенно являются одним из элементов гиксосов («правителей чужеземных стран») – в среднем бронзовом веке, после притока ханаанитов со средиземноморского побережья на север они построили процветающую цивилизацию в Палестине. Гипотеза, что именно эти хурриты являются потомками изначальной группы, которая внедрила керамику Хирбет-Керака с севера, представляется маловероятной: прошло слишком много времени, и они давно ассимилировались среди семитского населения.

Другая волна хурритов почти наверняка участвовала в движении гиксосов. Но все же в Северной Сирии нет свидетельств нарушения преемственности и целостности в присутствии хурритов.

Некоторые виды керамики из Алаки и других поселений Центральной Анатолии, датируемые примерно тем же периодом, что изделия из Хирбет-Керака, представляются в некоторой степени сравнимыми[92]. Ничто не предполагает прямого влияния одной на другую, так что объяснение должно заключаться в их параллельном развитии благодаря общему культурному фону, царившему в хурритских нагорьях Восточной Анатолии. Если и было перемещение хурритов в Центральную Анатолию в середине 3-го тыс. до н. э., то лишь в небольших количествах.

Свидетельства истоков ранней закавказской культуры практически включают только керамику. Как неоднократно отмечали советские археологи, имеет место исключительная

---

[89] Ibid. P. 519.

[90] K.M. Kenyon, *Excavations at Jericho I: The Tombs Excavated in 1952–1954,* London, 1960. P. 78–80, 96.

[91] K.M. Kenyon, (a) *Archaeology in the Holy Land,* London, 1965. P. 135–161. Здесь изложен общий обзор периода ранний бронзовый век – средний бронзовый век; (b) *Amorites and Canaanites,* Schweich Lectures, British Academy, London. 1963. P. 6–35.

[92] Основу для этого мнения составляют осколки, виденные лично автором в музее Алака-Хююка в 1954 г. Сходство между артефактами из Хирбет-Керака и керамики из поселений Анатолии описывает R. B.K. Amiran, “Connections between Anatolia and Palestine in the Early Bronze Age”, *Israel Exploration Journal* 2. 1952. P. 89–103.

нехватка других классов артефактов, кроме тех случаев, когда обнаруживались металлические и другие предметы – редкие в культурных слоях. Для Яник-Тепе II и III характерно именно такое отсутствие некерамических свидетельств. Там захоронения велись за стенами поселения, и в деревне не было найдено ни одной гробницы.

Керамика «протокуроаракского» типа (то есть проторанняя закавказская I, используя терминологию данной книги) встречается в Самеле-Клде[93], Лисьей пещере в Чиатуре (северо-запад Грузии). Но другие находки из этой пещеры – изделия из камня и кости скорее приписываются 4-му или 5-му тыс. до н. э. Баба-Дервиш, Мейна-Тепе и Цопи дали нам то, что представляется прототипами ранней закавказской керамики I. В Цопи есть свидетельства начала этой культуры в Грузии[94]. Материал из поселения, но не с кладбища Тетри-Цкаро, также датируется концом 4-го тыс. до н. э.[95] Но отсутствие продолжительной стратифицированной последовательности культурных слоев, датируемых серединой того же тысячелетия и ранее, затрудняет оценку места в сравнительной хронологии, которое можно выделить ранним материалом из поселений Грузии и долины Куры на северо-западе Азербайджана. Даже в Кюль-Тепе нет свидетельств непосредственных предшественников ранней закавказской культуры, поскольку между верхней частью слоя I и началом этой культуры в слое II был обнаружен лишенный своеобразия стерильный слой. Радиоуглеродная датировка подтвердила вероятность того, что в 4-м тыс. до н. э. это поселение на несколько веков опустело. В Грузии круглые дома Шулавери могут считаться прототипами для построек, появившихся спустя тысячелетие и более в Шреш-Блуре, Шенгавите, Гарни, Кюль-Тепе, Яник-Тепе и др., а также модифицированных вариантов – в Квачхелеби. Раскопки в Тегуте придали весомость предположению о существовании в Закавказье очень давней архитектурной традиции возведения круглых домов. Но пока нет доказательств особого влияния Шулавери и других современных поселений на раннюю закавказскую культуру[96].

Гипотеза Пиотровского о ее происхождении в центре долины Аракса, плодородной местности, сегодня расположенной в сердце Армении, поддерживается некоторыми свидетельствами, но пока не подкрепляется радиоуглеродной датировкой периода I ранней закавказской культуры и до этого. Определенно жители этого региона достигли высокого уровня мастерства в росписи керамики – выше, чем в других областях Закавказья. Лучшие их произведения относятся к периоду II. Ограниченные свидетельства из Восточной Анатолии предполагают, что там не было таких успехов в развитии керамического производства. В бассейн Урмии эта культура, судя по всему, пришла с севера и распространилась на юг до Хамадана, где стратифицированные материалы были найдены при раскопках Годин-Тепе IV[97]. Искать в Иране корни этой культуры нецелесообразно, как и утверждать, что ее родина – Восточная Анатолия, где самый богатый регион – Малатья – Элязыг. Если не принимать без доказательств этническое движение оттуда на северо-восток, этот регион, позднее ставший важным в истории конфликта между Хеттским государством, Митанни и Ассирией, можно не рассматривать, поскольку он расположен на самом краю обширной культурной зоны[98]. Претензии равнины вокруг Эрзурума следует оценить на основании свидетельств, получен-

---

[93] T.N. Chubinishvili, K.Kh. Kushnareva, “New Materials on the Aeneolithic of the Southern Caucasus, *Proceedings of the Academy of Sciences of the Georgian SSR* 6, 39, 1967.

[94] Ibid. P. 338, 339.

[95] Ibid. P. 357.

[96] Остается хронологический перерыв, который тянется почти все 4-е тыс. до н. э. Его необходимо уменьшить, продолжая раскопки, прежде чем подтверждать влияние со стороны Шулавери на раннюю закавказскую культуру.

[97] T.C. Young, P.E.L. Smith, “Research in the Prehistory of Central Western Iran”, *Science* 153. 1966. P. 386.

[98] Burney, AS VIII. 1958. P. 68. Мнение, которого автор придерживался в то время, о том, что происхождение этой культуры могло иметь место в регионе Элязыг – Малатья, теперь изменилось.

ных при раскопках Караза и Пулура[99]. Хотя теоретически это возможный центр зарождения культуры, окружающая среда представляется очень суровой, слишком ограниченной высотой, чтобы здесь появилось избыточное население, начавшее экспансию в разных направлениях. Только географическое положение – возле центра зоны – делает этот район претендентом на место зарождения ранней закавказской культуры. Вероятнее всего, Эрзурум и его окрестности, а также Грузия стали первой территорией, где около 3000 г. до н. э. обосновались носители культуры.

Другие районы могут не рассматриваться как ее возможные центры. Нельзя точно сказать, когда территория нынешнего Азербайджана, не говоря уже о центральной части долины Куры, что лежит к востоку от Тбилиси, была заселена носителями культуры. Относительная бедность керамики, найденной при раскопках, произведенных на этой территории, предполагает, что на землях к западу от Каспийского моря (хотя, возможно, они были заселены тогда же, когда и Грузия) не было общин, включавших прогрессивные элементы. Вероятно, коренное население Баку и его окрестностей, как и низовий Аракса, никогда не подвергалось набегам носителей ранней закавказской культуры. Скорее, оно переняло ее «из вторых рук» и не достигло высокого уровня развития. Говорят, что возле Талыша (юго-западная оконечность Каспийского моря) керамика является непосредственной предшественницей периода I ранней закавказской культуры. Однако представляется, что эти изделия, в производстве которых использовалась солома, изготовили намного раньше[100]. Ванский регион (Восточная Анатолия), вероятнее всего, был мало населен – на это указывает небольшое количество поселений, а в долине Муша могла существовать местная культура, отличавшаяся грубой керамикой специфической формы. Дальше вверх по долине Мурата, в районе Лиз и Буланик, была найдена обычная керамика ранней закавказской культуры.

Мнение, что эта культура зародилась в долине Аракса вокруг Еревана, основано не только на исключении по разным причинам возможных альтернатив, не на качестве керамики, плодородии региона или его потенциале в качестве колыбели, откуда пошла экспансия населения в поисках жизненного пространства. Дело в том, что есть свидетельства, возможно указывающие на постоянную занятость равнины вокруг Еревана в период зарождения ранней закавказской культуры – в конце 4-го тыс. до н. э. Раскопки Шенгавита (недалеко от Еревана) дали важные результаты. Помимо всего прочего, были выявлены четыре культурных слоя, и самый ранний из них, Шенгавит I, уже упоминался как непосредственный предшественник ранней закавказской культуры. Однако представляется, что при этом происходили кардинальные изменения, а не просто развитие культур: Шенгавит I – Шенгавит II. Некоторые археологи считают, что самый поздний из трех последовательных периодов в другом месте долины Аракса, Кегжиак-Блур, является переходным к ранней закавказской культуре I, но в то же время приравнивают его к Шенгавиту I и Кюль-Тепе (Нахичевань) I, что не вполне понятно[101]. В Маштоц-Блуре была получена последовательность, сравнимая с Кегжиак-Блуром, хотя поселение определенно существовало и в начале периода I ранней закавказской культуры. Другие места проживания также имеют культурные слои – предшествующие и совпадающие с этим периодом. Все эти свидетельства, возможно, и не делают бесспорной теорию зарождения ранней закавказской культуры в средней части долины Аракса (на территории вокруг Еревана), но они определенно указывают на нее как наиболее вероятную. К возражениям, что металлообработка зародилась очень рано в Грузии, к примеру в Квачхелеби, и что этот регион считался в этом отношении более передо-

[99] (a) H.Z. Koşay, Preliminary report on Karaz in *Türk tarih Kongresi.* 1943. P. 164–177; (b) H.Z. Kosay, "Erzurum-Karaz Kazisi Raporu", *Belleten* 1959. P. 349–413.

[100] R.M. Munchaev, "The Earliest Culture of the North-East Caucasus", MIA 100 1961. Автор описывает удаленные районы на севере, включая Дагестан.

[101] S.A. Sardarian, *Primitive Society in Armenia,* Erevan, 1967. P. 332, 343–347.

вым, чем Армения, не следует относиться слишком серьезно. Мецамор (недалеко от Армавир-Блура) являлся, например, металлургическим «заводом», возникшим в 3-м тыс. до н. э., а находки в Кюль-Тепе доказывают, что население долины Аракса было не более отсталым в металлообработке, чем жители районов, прилегавших к Кавказу[102]. Поселения в Армении существовали не только на равнине. В Гарни – в горах над Ереваном – ученые обнаружили остатки типичной деревни 3-го тыс. до н. э. с обычным набором керамики и круглыми каменными домами.

Некоторые поселения были названы «типовыми» для первого из трех периодов ранней закавказской культуры. Ряд западных археологов предложил считать таковым Караз. Пиотровский и Ханзадян отдали предпочтение Шреш-Блуру. Кюль-Тепе II признается как чрезвычайно важное место раскопок. Ни одно из поселений Грузии не претендует на исключительность, хотя Дидубе и Кикети давно выделили в качестве типичных для первой фазы ранней закавказской культуры. Об этом писал Б. А. Куфтин[103]. Среди перечисленных выше поселений выделяются Караз и Кюль-Тепе – обилием найденных на их территории материалов и посвященных этой проблеме публикаций. Квачхелеби С3–С1, Амиранис-Гора и Хизнаант-Гора Е считаются самыми важными грузинскими поселениями этого культурного периода.

Среди армянских мест этого периода – Шреш-Блур II, Шенгавит II, Маштоц-Блур III, Мохра-Блур II, Сев-Блур II, где есть и более ранние культурные слои. Современные им грузинские поселения – это Квачхелеби С3-С1, Амиранис-Гора, Хизнаант-Гора Е, Садахло, Тетри-Цкаро, Дидубе, Кикети, Земоавчала, Сагварджиле. Возможно, к этому периоду также относятся Згудери, Кулбакеби, Озни, Бешташени и Тквиави. Однако последние не являются старше грузинских, и, вероятно, для данного района оправданным является разделение на две фазы (1А, 1В), хотя в других местах для этого недостаточно данных. Это означает, что окончание всего периода (ранней закавказской культуры 1А и 1В) в Грузии приходится на 2600 г. до н. э., в Армении, вероятно, чуть раньше – такой вывод подтверждает радиоуглеродная датировка слоев периода II такой культуры в Яник-Тепе. Помимо Кюль-Тепе к этому периоду относится азербайджанское поселение Баба-Дервиш. В это время люди, определенно, жили в поселении Хамита-Кошая в Каразе и, возможно, в Пулуре. В других частях Восточной Анатолии только поверхностные находки осколков керамики с рельефными украшениями могут относиться к 3-му тыс. до н. э.[104] Во время раскопок в районе плотины Кебан обнаружили культурный слой этого периода, формирование которого, судя по радиоуглеродной датировке из Коруку-Тепе, приходится на 3000 г. до н. э.

Итак, период I ранней закавказской культуры начался в 3000 г. до н. э., чуть раньше или позже это произошло в Грузии и, вероятно, в долине Аракса. Но если принять теорию места зарождения культуры в районе Еревана, то Шреш-Блур II, Шенгавит II и другие современные армянские поселения должны датироваться 3250–3000 гг. до н. э. Это ограничивает период времени в 4-м тыс. до н. э., для которого недостаточно свидетельств, но даже более раннюю дату нельзя исключить. Если считается, что одни поселения существовали недостаточно долго для каждого из трех последовательных периодов культуры, то в других находятся доказательства того, что подобные ограничения совершенно необоснованны. Для периода I ранней закавказской культуры критерием может считаться Кюль-Тепе II. Здесь были обнаружены 14 слоев в периоде II, средней глубиной залегания 8 м (4,5–12,5 м). Радиоуглеродная датировка образца с глубины 8,5 м показала 2920 г. до н. э. ± 90, что указывает

[102] A.I. Javakhishvili, L.I. Glonti, *Urbnisi I: Archaeological Excavations Carried Out in 1954–1961 at the Site of Kvatskhelebi,* Tbilisi, 1962.

[103] B.A. Kuftin, *Archaeological Excavations in Trialeti I,* Tbilisi, 1941. P. 168–169.

[104] Burney, AS VIII, 1958.

на начало последовательности слоев задолго до 3000 г. до н. э., хотя на одну радиоуглеродную дату не следует полагаться слишком сильно. В то же время в Квачхелеби периода С нашли только три слоя – вероятно, поселение долгое время оставалось покинутым. В Квачхелеби слишком мало слоев, чтобы говорить обо всем периоде ранней закавказской культуры. То же самое относится и к ряду других поселений. Иными словами, распределение и размах оседлой жизни в 3-м тыс. до н. э. существенно варьировались. Истощение земли и климатические изменения – основные факторы, вызывавшие перемены в деревенской экономике. Они же влияли и на продолжительность существования поселений. Исчезновение лесов в некоторых частях Грузии считалось фактором, сведшим к минимуму ранние поселения этой культуры на равнинах. Вряд ли какие-либо из этих мест были заняты непрерывно. Даже в Шенгавите общая глубина залегания слоев достигает только 4 м.

Уже было сказано, что круглые дома считались характерными для ранней закавказской культурной зоны, включая такие удаленные регионы, как Дагестан в северо-восточной части Кавказа и бассейн Урмии, возле Тебриза. В большинстве поселений Грузии тоже были круглые дома, дальше на запад они – прямоугольной формы (Амиранис-Гора и Караз). Жилища, раскопанные в Квачхелли, в том числе девять из них в самом продуктивном слое С3, нельзя назвать круглыми: одни из них квадратные со скругленными углами, другие напоминают в плане обтесанный круг. Круглые дома встречаются в Армении (Шенгавит, Шреш-Блур, Джераховид, Кюль-Тепе (Эчмиадзин) и Гарни), Грузии (Озни, Хизнаант-Гора), Дагестане (Каякент, Кюль-Тепе (Нахичевань) и Яник-Тепе). Не все они датируются первым периодом, а обнаруженная в Хирбет-Керак (Палестина) круглая конструкция вообще не может считаться домом, скорее это некое фортификационное сооружение. Общей чертой первого периода была центральная деревянная опора – она представлена, скажем, в Квачхелеби, где рядом расположен очаг. Необходимость в такой опоре, как правило, зависела от диаметра дома – в Шенгавите он составлял 6–8 м, хотя не все здания относились к первому периоду. В Кюль-Тепе разница в диаметре домов составляла от 3,5 до 13 м. Стены были не слишком массивными – 20–70 см. В Кюль-Тепе фундаменты одних зданий сделаны из камня, других – из сырцового кирпича. Прямоугольные пристройки – крылечки – встречаются в Квачхелеби и Шенгавите, а в следующем периоде – в Яник-Тепе.

Очаг в доме был чрезвычайно важен. Существует гипотеза, что пожар в Квачхелеби, уничтоживший деревню, возможно, случился в то время, когда жители выполняли некий важный ритуал вокруг очагов своих домов. Довод в пользу этой гипотезы – украшения на переносных очагах, являющиеся отличительной чертой ранней закавказской культуры. Вопрос можно поставить шире: можно ли эти переносные очаги в каком-то смысле сравнить с «рогами посвящения» минойского Крита и их аналогами в святилищах периода II раннего бронзового века (слои XVI–XIV) в Бейджесултане (юго-запад Анатолии)?[105] В Яник-Тепе были стационарные очаги и располагались не в середине дома. Они обычно находятся у дверей: вероятно, практические соображения – позволить дыму выходить наружу – здесь взяли верх над ритуальными, ну а важность самого очага для доисторического населения переоценить невозможно.

Роль кочевничества или, по крайней мере, системы отгонного животноводства в жизни людей ранней закавказской культуры, вероятно, отражается в форме и конструкции их домов: круг в плане, центральная опора, легкая глинобитная надстройка – все это напоминает современную туркменскую *юрту.* Такой план имеет практические преимущества, особенно снежной зимой. Подобные дома, пол в которых часто был ниже уровня окружающей наружной территории, должно быть, походили на те, что можно видеть в горах и сегодня, –

[105] S. Diamant, J. Rutter, "Horned Objects in Anatolia and the Near East and Possible Connexions with the Minoan 'Horns of Consecration'", AS XIX. 1969. P. 147–177.

не всегда разглядишь: человек идет рядом с домом или по нему? Кулбакеби (Южная Осетия, недалеко от Цхинвала) считается временным поселением. Поскольку оно использовалось сезонно, дома строили из дерева, и поэтому сохранились только следы фундаментов[106].

На постоянный характер более важных поселений на равнинах указывает, к примеру, оборонительная стена вокруг деревни Шенгавит, расположенной на уступе, выходящем на высокий левый берег реки Раздан, притока, текущего на юг к Араксу. Стена была построена из крупных каменных плит, тщательно пригнанных друг к другу. С северной стороны находился подземный ход к реке. Напрашивается сравнение с Яник-Тепе во втором (из трех) периоде: там был раскопан короткий отрезок оборонительной стены толщиной не менее 5 м с небольшим проходом через стену. Камни для строительства, вероятно, везли на расстояние нескольких километров, предположительно на телегах или санях. Такие сооружения указывают на постоянное существование внешней угрозы и наличие готовой ее отразить общинной организации[107].

Самым большим классом артефактов является керамика. Причем важно не только ее количество, но и характерные черты, которые делают ее фирменным знаком культуры в целом. Без керамики ранняя закавказская культура никогда не была бы признана отдельной высокогорной культурой, да и деление на три последовательных периода стало бы невозможным. Долговечность и невысокая стоимость керамики делают ее чрезвычайно важной для историков. Ее нет смысла чинить или спасать во время катастроф или переездов, поэтому для ученых керамика ценнее драгоценностей, изделий из металла, печатей и прочих предметов, которые нередко хранились и передавались по наследству.

Большое разнообразие керамики советские археологи приписали периоду I ранней закавказской культуры, который они считали частью энеолитического периода. Появившиеся тогда керамические традиции продолжились с некоторыми изменениями до конца периода III. Это и есть основная причина включения последнего в раннюю закавказскую последовательность. В целом керамика из Грузии периода I ранней закавказской культуры демонстрирует скудность декоративных элементов. Например, орнаменты на кувшинах из поселения Амиранис-Гора представляются весьма незрелыми. В Хизнаант-Гора была создана собственная специфическая керамика желто-коричневого цвета. Самыми удивительными являются рельефные спирали на кувшинах из Кикети – там впервые появились двойные спирали. Чуть позже аналогичные украшения создавались в поселении Озни, которое наряду с Бешташени показывает, что последняя часть периода I ранней закавказской культуры в Грузии связана с развитием рельефных орнаментов на керамике[108].

В Армении на керамические сосуды чаще наносились канавки, чем выпуклые рельефы, да и формы были более замысловатыми. Доктор Ханзадян, посвятившая большую часть своего времени изучению армянской керамики этого периода, в первую очередь с раскопок в Шреш-Блуре и Кюль-Тепе (Эчмиадзин), считает, что орнаменты изображают воду, землю и растения, но такая трактовка представляется субъективной[109].

Толстые спирали и другие рельефные орнаменты в Шреш-Блуре и Каразе привлекли внимание археологов, незнакомых с Закавказьем и Восточной Анатолией, и такой тип украшений некоторые ученые, в том числе автор, посчитали характерным для первого из трех периодов рассматриваемой культуры[110]. Однако уже в первом периоде появились другие тех-

---

[106] (a) O.M. Japaridze, *On the History of the Georgian Tribes in the Early Bronze Age,* Tbilisi, 1961; (b) *The Georgians.* P. 39–40.

[107] S.A. Sardarian: *Primitive Society in Armenia,* Erevan, 1967. P. 344, etc.

[108] (a) Особенно важным среди многих опубликованных работ о периоде I ранней закавказской культуры является труд T.N. Chu-binishvili, *Amiranis-Gora: Materials on the Ancient History of meskhet-Javakheti,* Tbilisi, 1963; (b) B.A. Kuftin, *Excavations in Trialeti I,* Tbilisi, 1941. P. 168–169.

[109] Khanzadian, *The Culture of the Armenian Highlands in the Third Millennium BC,* pls XIX–XX.

[110] Burney, AS VIII, 1958. P. 167–168.

ники нанесения украшений, а нарезные узоры стали применять только на крышках. И это не первый раз, когда типология изменилась под влиянием открытий.

Период II ранней закавказской культуры представлен в стольких поселениях, что очень трудно выбрать из них несколько и назвать их типовыми. Ханзадян выделила Шенгавит III – это поселение, безусловно, заслуживает признания, хотя бы за то, что его слои охватывают все три периода. Яник-Тепе занимает слишком периферийное положение, чтобы считаться типовым, хотя там и много культурных слоев. Возможно, для этого и предыдущего периода типичным может считаться Джераховид, что находится в долине Аракса, неподалеку от Еревана, другое армянское поселение второго периода – Тагаворанаст (Кировакан). Ханзадян различает две группы керамики периода II ранней закавказской культуры: одну – собранную вокруг Кировакана, другую – вокруг Шенгавита, примерно разделяя керамику горной Армении (и Грузии) и долины Аракса.

За пределами Закавказья есть поселения и на западном, и на восточном берегу озера Урмия. Геой-Тепе К датируется частично этим периодом, но, вероятно, возник он в предыдущем периоде. Радиоуглеродная дата 2574 г. до н. э. ± 146 для Геой-Тепе К3 предполагает, что фаза К1 датируется периодом I. Помимо Геой-Тепе К1 ничто не указывает на наличие важных поселений периода I ранней закавказской культуры в бассейне Урмии до периода II, когда Яник-Тепе снова был занят после долгого перерыва. В Годин-Тепе, расположенном в 8 милях (12,8 км) к юго-востоку от Кангавара (на границе Курдистана и Луристана), период IV характеризовался керамикой, сравнимой с Яник-Тепе периодов II и III ранней закавказской культуры. Здесь обнаружили следы эрозии – вероятно, поселение было покинуто примерно в тот же период, что и Яник-Тепе. Судя по всему, в обоих поселениях в первые века 3-го тыс. до н. э. наблюдался спад оседлой жизни. В других поселениях вокруг Годин-Тепе найдена резная керамика ранней закавказской культуры периода II. Все свидетельства из Годин-Тепе указывают на движение из Закавказья в начале ее периода II (не ранее 2700 г. до н. э.) и упадок этого интрузивного элемента в начале периода III. В Яник-Тепе, расположенном далеко на севере, этот элемент, естественно, закрепился наиболее твердо.

Районы Элязыг и Малатья в целом разделяли общие керамические традиции культурной зоны. Группа горшков из Эрниса (северо-восточный берег озера Ван) была датирована автором периодом II ранней закавказской культуры, что представляется правильным, хотя многочисленные параллели в Яник-Тепе указывают, что, возможно, точнее было бы отнести эти сосуды к заключительной фазе периода.

Вся найденная керамика показала наличие определенных региональных вариаций, таких как, например, ограниченное распространение резных украшений Яник-Тепе. Также представляется очевидным, что в период II ранней закавказской культуры ее экспансия достигла самых широких географических пределов.

Без наличия 12 строительных фаз, найденных в Яник-Тепе, период II мог бы считаться коротким. Армянские, грузинские и азербайджанские поселения представляются недолговечными, и другой информации, касающейся этого периода, нет. Яник-Тепе несколько заполнил пробел – имеется четыре радиоуглеродных даты: 2381 г. до н. э. ± 62, 2324 г. до н. э. ± 78, 2621 г. до н. э. ± 79 и 2495 г. до н. э. ± 61 (период полураспада – 5730). Вероятнее всего, этот период длился с 2650 до 2200 г. до н. э. Эти хронологические рамки могут подразумевать начало периода в Яник-Тепе вскоре после его «старта» в Закавказье, однако длился он там дольше, чем на севере. Этот намек на консерватизм усиливается неожиданным появлением в Яник-Тепе третьего культурного периода при незначительных свидетельствах перехода.

Всего 57 круглых домов полностью или частично раскопали в Яник-Тепе, констатировав постепенное увеличение их диаметров, а также, вероятно, рост плотности населения. На самых ранних уровнях были дома диаметром около 3,5 м с большими промежутками между этими строениями. В поздних слоях круглые дома стали намного больше,

поэтому в них появились центральные опоры. С внутренней стороны дома по окружности обычно ставилась скамья, дверь имела высокий порог, а уровень пола, как правило, был немного ниже, чем уровень двора. Ларь для хранения являлся элементом более крупных домов, очаг – любых. Еще одна общая черта – гладкая поверхность, слегка опускающаяся от стены, с канавкой-стоком для жидкости. Эта поверхность, вероятно, использовалась для приготовления пищи. В домах было очень тесно, поэтому нередко случались пожары. Вероятно, причиной возгорания мог быть порыв ветра через дверной проем, который раздувал огонь в очаге и воспламенял крышу. Не исключено, что дым выходил наружу только через дверь. Хотя не все пожары оказывались случайными. Постоянно существовала опасность нападений, на что указывают оборонительные сооружения в слое XVII и уничтожение всего последующего слоя[111]. Эти выводы, разумеется, основываются на раскопках небольшой части кургана, но нет серьезных сомнений в том, что они близки к реальности. Массивные оборонительные сооружения придали Яник-Тепе статус небольшого города. Вероятно, он был окружен враждебными кочевниками. Относительная целостность отдельных слоев дает основание для предположения о том, что скорее частыми были набеги местных племен, чем нападения крупных сил издалека. Но жители Яник-Тепе, вероятно, сами лишь на шаг ушли от кочевничества, потому что, покинув долину Аракса, по пути на юг к границам Луристана обосновались далеко друг от друга. Доказательство легкой конструкции крыш круглых домов в Яник-Тепе, как и в Закавказье, было получено из упавших фрагментов обожженной глины с отпечатавшимися прутьями[112]. В одном из таких домов обнаружили своеобразную перегородку из кольев с низким глинобитным фундаментом, отделявшую кухню от жилого помещения. В других круглых жилищах тоже встречались такие разделения. В домах было темно, что подтверждается множеством найденных там керамических ламп. С внешней стороны входной двери такого помещения, как правило, имелось прямоугольное крыльцо. Вероятно, внешне эти дома напоминали улей. Судя по раскопкам в Яник-Тепе XVII, из-за увеличения количества и размеров круглых домов сообщение между разными частями города было затруднено.

Архитектура других поселений показывает не столь абсолютную приверженность к окружностям. К примеру, в Шенгавите есть много прямоугольных помещений. В Закавказье круглые дома считались нормой, как, например, в Джераховиде, где было обнаружено четыре слоя с ними, а глубина культурных слоев – не менее 10 м, то есть намного ниже уровня грунтовых вод. В поселении Хизнаант-Го-ра D один круглый дом имел две концентрических стены, отпечатки кольев и переносной очаг в центре.

Керамики в Яник-Тепе было так много, что теперь она считается лучшим образцом изделий, форм и украшений, хотя последние в основном резные. Правда, качество украшений не всегда таково, чтобы считать набор керамики с этих раскопок удовлетворительным во всех отношениях. Несомненно, лучшие «творения» гончаров Яник-Тепе могут соперничать с произведениями армянских мастеров. Но некоторые изделия намного ниже по качеству исполнения. Если критерием для раздела между двумя периодами (II и III) ранней закавказской культуры в Яник-Тепе взять архитектурные, а не керамические традиции, тогда можно выделить три фазы этой культуры II. Важно, что в первой фазе (Яник-Тепе XXVI–XXI), которая недостаточно представлена в количественном отношении, вырезанные линии тоньше и изящнее, чем в следующей стадии, намного более продолжительной (Яник-Тепе XX–XVI).

Параллели с резными украшениями Яник-Тепе не так легко обнаружить на землях, граничащих с Закавказьем, разве что некоторые мотивы, вырезанные на дольменах Абхазии

[111] C.A. Burney, “Excavations at Yanik Tepe, North-West Iran”, *Iraq* XXIII, 1961. P. 138–153; *Iraq* XXIV, 1962. P. 140.

[112] *Iraq* XXIV, 1962. P. 141.

и западной части Кавказа, можно считать связующим звеном с мотивом ранней закавказской культуры II. Такое сравнение вряд ли представляется уместным, не говоря уже о разных материалах и масштабах. В Анатолии есть керамика с резными украшениями в Тарсе и Зинсирли, датируемая периодом II киликийского раннего бронзового века. Параллели вовсе не близкие, и схожесть простых геометрических орнаментов, вероятнее всего, естественна. Но с точки зрения хронологии сравнение возможно, поскольку период II киликийского раннего бронзового века завершился примерно в 2300 г. до н. э.[113]

Археологи Квачхелеби решили, что, хотя период B отличается от периода C, ему предшествовавшего, керамические традиции этого поселения на протяжении всего 3-го тыс. до н. э. могут считаться типичными для Грузии в целом. Три слоя Квачхелеби B показывают, что отличительными чертами керамики тогда являлись черная поверхность – снаружи, серая или розовая – внутри, хорошее лощение. А керамика Квачхелеби C отличалась неровностью окраски. Подчеркивается сходство с керамикой Сачхере, хотя последняя обычно датируется третьим заключительным периодом ранней закавказской культуры. Резные украшения на керамике в Квачхелеби менее претенциозны, чем в Яник-Тепе. Они ограничиваются простыми шевронами. В целом полученные из Квачхелеби свидетельства доказывают, что в это время поселение находилось в консервативном регионе ранней закавказской культуры периода II. То же самое представляется справедливым для всей Грузии.

В Баба-Дервише (долина Куры, северо-запад Азербайджана) на керамике из уровней рассматриваемой культуры периода I украшений не было. Рельефные украшения обнаружили только на средних уровнях. Вырезанное изображение птиц, примером которого является осколок чернолощеного сосуда, обследованный автором, скорее относится к периоду III. Какова бы ни была его точная датировка, он обеспечивает очевидную северную параллель с керамическими традициями Яник-Тепе.

С наступлением периода III ранней закавказской культуры, то есть около 2300 г. до н. э., культурная стагнация, установившаяся на большей части высокогорной зоны – но не в долине Аракса, подошла к концу, и началось возрождение культуры. Прежняя однородность от Кавказа до верхнего Евфрата по большей части исчезла, и ее сменило ускоренное развитие региональных культур, которые сохранили старые традиции, но создали новые формы в керамике и металлообработке. Перемены вовсе не стали признаком «взрыва» и засилья пришельцев. Скорее это было обогащение старой культуры благодаря внешним контактам, особенно с цивилизацией Месопотамии, где правила Аккадская династия, начавшая поиск новых коммерческих предприятий и рынков в горах к северу и востоку от долин Тигра и Евфрата. В это время в Северной Сирии возникла основанная на шумерских прототипах традиция металлообработки и начала распространяться на Анатолийское плато[114].

Давно были отмечены параллели в Закавказье с шумерскими инструментами и орудиями[115]. Все имеющиеся свидетельства указывают на укрепление коммерческих связей с Месопотамией. Точные маршруты, по которым велась эта торговля, неизвестны. Тот факт, что ассирийские купцы создали торговую колонию (*карум*) в Канеше (Кюль-Тепе), где слой IV (самый ранний) датируется 2100–2050 гг. до н. э.[116], означает организованные контакты и ввоз олова с востока через Иран и Ашшур в Анатолию. Так Восточная Анатолия была обойдена стороной, и месопотамские связи через западную часть высокогорной культурной зоны представляются нам менее вероятными, чем через Западный Иран в север-

[113] H. Goldman, *The Excavations at Gözlü Kule,* Tarsus II, Princeton, 1956.

[114] D.B. Stronach, “The Development and Diffusion of Metal Types in Early Bronze Age Anatolia”, AS VII, 1957. P. 89–125.

[115] V.G. Childe, *New Light on the Most Ancient East,* London, 1952.

[116] P. Garelli, *Les Assyriens en Cappadoce,* Paris, 1963, etc.

ном направлении к долине Аракса. Тем не менее есть много свидетельств, подтверждающих существование торговых связей в 2300–2000 гг. до н. э. через бассейн Урмии и на юг через Загрос. Если помнить о том, что в Яник-Тепе нет современных захоронений, его не следует считать очень отсталым в это время, а отсутствие изделий из металла – имеющим первостепенную важность.

Современным поселением периода III ранней закавказской культуры, находившимся к югу от Кавказа, был большой могильник в Майкопе – в долине Кубани, о котором долго говорили[117]. Сейчас общепринято датировать его 2300–2200 гг. до н. э., иными словами, он в определенных аспектах сравним по крайней мере с наиболее поздними из богатых захоронений поселения Алака-Хююк (Аладжа-Хююк, Центральная Анатолия). Позднее этот район стал жилищем хеттов, но тогда в нем жили неиндоевропейские хатты[118]. Таким образом, археологически подтверждены контакты между жителями долины Кубани и Центральной Анатолии. Однако нам неизвестно, каким образом связаны соответствующие захоронения или поселения с нагорьями Восточной Анатолии, чьи культурные отношения с излучиной Галиса и остальной частью Центральной Анатолии, судя по артефактам, были непрочными. Центрально-Анатолийская культурная провинция периода II раннего бронзового века, ранее называемого медным веком, раскинулась до понтийского побережья через Самсун, где Дюндар-Тепе и другие поселения имели схожие черты с Алака-Хююком и окрестностями[119]. Хороз-Тепе и Махмутлар, впоследствии ставшие центром Понтийского царства, дали нам золотые и бронзовые предметы, сравнимые с аналогичными изделиями из Алаки, хотя бронза Хороз-Тепе имеет и отличительные черты[120]. Аналогичные фигурки оленей были найдены на черноморском побережье в районе Гиресуна. Морская торговля на относительно короткие расстояния между этим городом и участком побережья, к северу от Абхазии, вероятно, являлась главным фактором поддержки связей между Анатолией и степями, расположившимися к северу от Кавказских гор. Обратное культурное влияние из долины Кубани в Грузию вполне могло дать толчок развитию металлообработки в этой части ранней закавказской культурной зоны. Такое влияние, достигшее грузинских поселений, может объяснить явный прогресс в этом регионе в периоде III ранней закавказской культуры. Конечно, такой прогресс могло подтолкнуть и прямое влияние с юга через Армению, но в предшествующий период этого не наблюдалось.

Поселения периода III рассматриваемой культуры есть в разных культурных провинциях. Некоторые регионы, например вокруг озера Ван, вероятно, пребывали во власти культурной стагнации, однако в Армении, судя по всему, не было упадка в жизни оседлых сообществ. Выполненная доктором Ханзадян классификация поселений по разнообразию керамики приводится ниже. Кроме описанных ею поселений, есть и другие, например в Харидже (Артик), возможно более раннее (отметим, что одной из черт керамики этого поселения являются фрагменты предметов в форме бараньей головы), а также Франганоц, Кизнавур (Kiznavour), Степенакерт и др. В Грузии приходится больше полагаться на материалы из могильников – Амиранис-Гора, Сачхере, горы над Тетри-Цкаро. Возможно, люди продолжали жить в Садахло и Баба-Дервише, существовало святилище и в Баланте[121]. Наскальные изображения лошадей в Кобистане могут датироваться этим периодом или началом 2-го тыс. до н. э. Здесь определенности нет. Геой-Тепе К3 и Караз II также были заселены. Самые

[117] Описание Майкопского кургана приводится в: F. Hančar, *Urgeschichte Kaukasiens,* Leipzig, 1937. P. 247–252. Описание майкопской культуры. H.H. Formozov, *The Stone Age and Aeneolithic of the Kuban Country,* Moscow, 1965. P. 64–152.

[118] Stronach, “The Development and Diffusion of Metal Types in Early Bronze Age Anatolia”, AS VII. 1957. P. 89–125.

[119] C.A. Burney, “Northern Anatolia before Classical Times”, AS VI. 1956. P. 179–203.

[120] T. Özgüç, Mahmut Akok, *Horoztepe: An Early bronze Age Settlement and Cemetery,* Ankara, 1958, etc.

[121] G.F. Gobejishvili, *Results of Archeological Field Work in the Territory of Georgian SSR in 1958,* Tbilisi, 1959.

явные изменения в керамике произошли в юго-западной культурной провинции Элязыг – Малатья: формы остались прежними, но изменились материалы и украшения. Керамики в этой культурной провинции нашли много – от Феро (возле Дивриги) до целой группы курганов около Элязыга (Алтынова – золотая равнина)[122]. Арслан-Тепе (Малатья) оказался особенно богат керамикой, изначально неверно названной хеттской. Также были проведены раскопки соседнего кургана Гимислик-Тепе, относящегося к тому же времени. Продолжает культурную зону на севере Кавказа поселение Заглик. Луговое, Великент, Каякент и Мамайкутан – населенные пункты Дагестана и Чечено-Ингушетии, где керамика и каменные орудия схожи с ранней закавказской традицией. Эти свидетельства дополняются материалами, найденными в курганах Нового Аршти и Катарагач-Тапа[123]. Рельефные декорации в виде шишечек – это намек на то, что распространение культурной зоны на северо-восток могло иметь место до периода III ранней закавказской культуры, шарики, рельефные орнаменты и «ушки» – характерные черты керамики этих поселений.

Здесь нет таких ясных указаний на большой временной промежуток, как в Яник-Тепе – для периода II и Кюль-Тепе – для периода I. В Яник-Тепе есть ряд культурных слоев (XIII–VII), которых вместе с субфазами всего девять; но те, что раскопаны на вершине кургана, свидетельствуют о том, что они существовали в мирное время, когда периодически производились ремонт и переделка домов, в отличие от слоев, относящихся к периодам полных уничтожений и последующих восстановлений. Три фазы в Квачхелеби B не предполагают очень уж большой продолжительности. Упомянутые выше радиоуглеродные даты для Шенгавита IV (2020 г. до н. э. ± 80) и Яник-Тепе (2086 г. до н. э. ± 104 и 1816 г. до н. э. ± 63) являются единственными указаниями на абсолютную хронологию, помимо сравнений с поселениями за пределами культурной зоны. Самое важное поселение для таких хронологических параллелей – Хасанлу (долина Солдуз, к югу от озера Урмия), для которого имеется очень полезная серия радиоуглеродных дат[124], в том числе пять – для Хасанлу VII периода раскрашенной оранжевой керамики – от 2280 г. до н. э. ± 140 до 2121 г. до н. э. ± 138. Хотя одну дату нельзя переоценивать, вторая из Яник-Тепе поддерживает теорию о том, что ранние закавказские культурные традиции в бассейне Урмии существовали и во 2-м тыс. до н. э. Возможно, то же самое можно сказать о районах вокруг озера Ван. Нахождение раскрашенной оранжевой керамики к востоку и западу от озера Урмия (например, в Геой-Тепе K3) указывает на хронологическое пересечение этого класса керамики с изделиями периода III ранней закавказской культуры[125].

Если верно предположение о том, что традиция строительства круглых домов была особенно характерна для восточной части рассматриваемой культурной зоны, тогда переход от круглых к прямоугольным строениям в периоде III ранней закавказской культуры (слои XIII–VII) в Яник-Тепе требует некоторых объяснений. Т. Н. Чубинишвили считает, что традиция строительства прямоугольных домов в основном существовала в Восточной Грузии и представлена планами построек, раскопанных в Квачхелеби, Гудабертка и Хизнаант-Гора. Круглые дома встречаются в тех же поселениях. Так что, очевидно, не было выраженного разделения между двумя разными архитектурными традициями. Дома в Квачхелеби на протяжении периодов C и B по большей части прямоугольные. Любой намек на круглый план исчезает к концу периода C. Однако в Яник-Тепе прослеживаются резко наступившие изменения. Прямоугольные дома здесь иллюстрируют мирный период, когда твердо установи-

[122] Burney, AS VIII. 1958. P. 200–208.

[123] R.M. Munchaev, “The Earliest Culture of the North-East Caucasus”, MIA 100. 1961. P. 71–131.

[124] *Radiocarbon* 12, 1970.

[125] Раскрашенная оранжевая керамика характерна для Хасанлу VII, для которого средняя из пяти радиоуглеродных дат – 2170 г. до н. э. ± 138.

лась приверженность местных жителей к оседлой жизни без намека на кочевничество. Даже резные украшения на керамике исчезли, не оставив следов имитации резьбы по дереву, связанной с кочевым образом жизни предшествующего этапа. Главное здание, обнаруженное в Яник-Тепе, было довольно большим и имело полуподвальный этаж, куда, очевидно, спускались по лестнице. Но один след предшествовавшего периода остался: кухонное «оборудование» – очаг, печь и гладкая рабочая поверхность остались в точности такими же, как в круглых домах. Одна такая печь предназначалась для изготовления *санжака* – это вид хлеба, который до сих пор выпекают в этом регионе. Его готовят на гальке, разогретой на огне. Лепешка получалась с неровной поверхностью, слегка подгоревшей в тех местах, где тесто непосредственно контактировало с камнями. Одно поселение в Грузии являет собой архитектурный контраст, сравнимый с двумя периодами в Яник-Тепе. В Хизнаант-Гора B и C сменяют круглые дома в D.

Керамике периода III ранней закавказской культуры присуща тенденция к упрощению форм и украшений, спрямлению соединения горлышка сосуда с «плечами», других острых углов, а также к удлинению форм[126]. Ханзадян выделила три класса керамики периода III рассматриваемой культуры, найденной на раскопках в Эларе, Шенгавите и Арагаце. Относительная близость этих поселений указывает, что они едва ли могут относиться к трем географически разным культурным провинциям. Также нет явных свидетельств, предполагающих хронологический переход от одного вида керамики к другому. Первая ее группа, названная Ханзадян по имени поселения – Элар, в основном, но никоим образом не исключительно, представлена поселениями в Армении. Шенгавитская группа распространена по большей части в Грузии. Группа Арагаца включает керамические изделия из Армавира и Кюль-Тепе II. Можно также провести параллели с поселениями Луговое (Северо-Восточный Кавказ) и Яник-Тепе.

Помимо общей преемственности форм в Яник-Тепе, хотя и без резных украшений, появилось одно усовершенствование – серебристый блеск на чернолощеной керамике. Вероятно, эффект достигался с применением графита и имитировал серебро.

В Грузии известны аналогичные изделия того же периода – с имитацией серебра. Некоторые экземпляры предполагают наличие металлического прототипа. Речь идет о могильнике Тетри-Цкаро, находящемся в горах над более ранним поселением: здешняя керамика демонстрирует эстетические и технические стандарты, не превзойденные всеми прочими изделиями ранней закавказской культуры. Они датируются примерно 2000 г. до н. э. Здесь присутствует та же обработка графитом, как в Яник-Тепе, но сама керамика имеет превосходное качество. Также здесь имеются многочисленные свидетельства металлообработки, которых так мало в Яник-Тепе. Керамика из Амиранис-Гора, раскопанная Чубинишвили, тоже обработана графитом; характерны шишечки по плечам сосуда – похоже, они имитируют заклепки. Один сосуд имеет весьма замысловатую форму – два обычных кувшина соединены вместе под самой широкой частью[127]. К несколько более раннему периоду относится керамика из Садахло (вероятнее всего 2300–2200 гг. до н. э.). Само же поселение существовало с 4-го тыс. до н. э. Один кувшин с этих раскопок – образец высокого мастерства нанесения украшений на резную керамику, достигнутого в этот период в Грузии; он богато украшен изображениями птиц и спиралей. Еще один мотив можно назвать «подвешенное топорище»; поверхность чернолощеная. Чубинишвили считает, что такие изображения имитируют печати месопотамского происхождения, но для этой теории нет достаточных доказательств. А предположительная связь с культурой Джемдет-Наср хронологически возможна,

[126] Khanzadian, *The Culture of the Armenian Highlands in the Third Millennium BC,* fig. 15 (P. 64).

[127] Керамику из Тетри-Цкаро и Амиранис-Гора можно увидеть в Грузинском государственном музее в Тбилиси.

если не считать географического расстояния[128]. Садахло дал нам, возможно, антропоморфический рисунок, одно из немногочисленных изображений человеческих фигур в ранней закавказской культуре. Причем их небольшое число трудно объяснить. Вырезанные птицы на горшках из поселения Баба-Дервиш могут датироваться примерно тем же временем (2300–2200 гг. до н. э.), но для определенности не хватает хронологической информации. В Сачхере последовательность начинается с керамики этого периода, выполненной в старых традициях, в том числе с применением рельефного орнамента. Сачхере – современник могильника в Тетри-Цкаро и непосредственный предшественник известных курганов Триалети[129]. В целом создается впечатление, что тогда грузинские поселения пережили великое возрождение в регионе, доселе бывшем относительно отсталым, по крайней мере в сравнении с долиной Аракса, раскинувшейся вокруг Еревана. Грузия перестала быть периферией. Здесь появились новые элементы и назревали большие перемены.

Керамика из армянских поселений представляется чуть менее интересной. Имевшие место инновации не так показательны для ведущей роли металлообработки. Но и здесь изготавливались интересные вещи, начала появляться роспись, вероятно «проникшая» с юга, потому что она была совершенно чужда традициям ранней закавказской культуры в Грузии и применялась только в регионе Малатья – Элязыг. Раскопки Телемака Хачатряна поселения ранней закавказской культуры в Хариджe (недалеко от Артика) были дополнены обнаружением могильника с керамикой периода III, а также первой половины 2-го тыс. до н. э.[130] Несмотря на включение Ханзадян керамики Яник-Тепе в группу Арагаца, автор считает, что это в группе Элар есть сосуды с украшениями, выдавленными пальцами, и, таким образом, сравнимые с Яник-Тепе. Разница между группами керамики этого периода, помимо окрашенных изделий культурной провинции Малатья – Элязыг, сглаживается общей традицией.

До настоящего времени обсуждение ранней закавказской культуры основывалось главным образом на керамике, являвшейся самым широко распространенным и хорошо классифицируемым артефактом. Без керамических свидетельств оказалось бы трудно и даже невозможно различить три периода этой культуры-долгожительницы. В свете свидетельств больших усовершенствований и диверсификации в металлообработке последних двух или трех веков 3-го тыс. до н. э. можно было бы выделить только два периода. Ранее металлургия уже имела долгую историю в Закавказье, но это касалось обработки меди. При плавке в медь часто добавлялись примеси, вероятно ненамеренно – мышьяк и другие элементы, однако инструменты и оружие делались только методом ковки, а не литья. Это адекватный шаг для достижения многих целей, но с серьезными ограничениями в части разнообразия продуктов и скорости производства.

Открытие в Мецаморе выявило один из факторов, определивших процветание Армении в 3-м тыс. до н. э. Здесь доктор Ханзадян обнаружила центр металлообработки, уникальный по сложности и долгой жизни[131]. Большинство находок в этом удивительном поселении датируются 2–1-м тыс. до н. э., есть и более поздние следы. Но самая ранняя фаза – в районах поселения, где археологи нашли стратифицированную последовательность, – дала нам различные металлургические артефакты. Самый важный из них – это бронзовый шлак

---

[128] (a) H. Frankfort, *Stratified Cylinder Seals from the Diyala Region,* OIP LXXII, Chicago, 1964; (b) Frankfort, *Cylinder Seals,* London, 1939.

[129] K.Kh. Kushnareva, T.N. Chubinishvili, “The Historical Significance of the Southern Caucasus in the Third Millennium BC”, SA. 1963 (3). P. 10–24. В статье подробно описаны раскопки в Тетри-Цкаро.

[130] T.S. Khachatrian, *The Material Culture of Ancient Artik* (Erevan, 1963).

[131] Автор лично побывал на раскопках Мецамора. См.: B. Mkrtichan, “The Mystery of Metsamor”, *New Orient* 3. 1967. P. 76–78.

с касситеритом, рудой, из которой выплавляется олово. Ее нет в долине Аракса – должно быть, для переплавки в Мецаморе ее ввозили. Также были обнаружены вставленные в печи глиняные трубы, использовавшиеся в производстве вместе с мехами. К первой фазе в Мецаморе относятся и фосфорные брикеты, которые, очевидно, были сделаны из костей и мозгов животных и растерты с глиной. Говорят, что смесь фосфора, бария и стронция помогла определить возраст этих продуктов, которые были найдены в Мецаморе, – не позднее 1000 г. до н. э. Фосфор использовался для плавки касситерита и получения олова. Иными словами, здесь мы видим свидетельство существования армянского центра обработки бронзы в периоде III ранней закавказской культуры. Монополию шумеров в этой отрасли металлургии лучше всего демонстрирует царское кладбище Ура, как и ранний ввоз инструментов и оружия с юга в Закавказье и за его пределы. Однако данная ситуация, судя по всему, оказалась кратковременной[132]. Северные варвары, каковыми их, вероятно, считали жители Шумера и Аккада, быстро освоили методику сплава меди с оловом и получения бронзы, что позволило им перейти к промышленному производству оружия и инструментов, а также приступить к литью по выплавляемым моделям. Последний метод был или перенят в Майкопе, или, что более вероятно, ввезен туда из Центральной Анатолии или некоего другого неизвестного места, расположенного к югу от Кавказа. Импорт шумерского металла в Закавказье мог начаться раньше того времени, которое определили ученые по уцелевшим образцам. Но эта торговля оказалась недолгой, о чем позаботились местные предприниматели.

Согласно статистике 1917 г., на Кавказе находилось не менее 418 месторождений меди. Скорее именно этот факт, а не близость к Ближнему Востоку объясняет прогресс металлообработки на Северном Кавказе по сравнению со степными регионами[133]. Однако теории раннего зарождения всей металлообработки на Кавказе все же представляются сильно преувеличенными. Особенно богатыми медной рудой были районы Западной Грузии (долина верховья Риони и юго-восточное побережье Черного моря), центральная часть Закавказья и район Белокан – Кахетия. Сотрудники Государственного музея Грузии (Тбилиси) совместно с И. Р. Селимхановым (Баку) провели большую работу по анализу образцов, считавшихся созданными из местной меди, а также сплавов. В исследовательских лабораториях обоих городов, имевших прекрасное оборудование и квалифицированный персонал, добились очень интересных результатов, которые невозможно изложить кратко[134]. Одна серия медных образцов из Азербайджана не содержала следов мышьяка и сурьмы, равно как свинца, висмута и кобальта, но серебро, как и золото, не всегда присутствующее в местной меди, нашли во всех образцах, кроме одного[135]. Так, высокое содержание серебра в целом предполагает местную медь, которую можно отжигать и ковать. Первым существенным прорывом в том деле стало освоение плавки, без которой нельзя говорить о настоящей металлообработке. Устранение примесей из природных руд расширило количество месторождений, доступных для разработки. Высокое содержание мышьяка или железа в образце, как считалось, из местной меди, означало, что на самом деле это халькопирит (медный колчедан) – минерал, из которого медь может добываться только плавлением. Район Кедабека в Азербайджане обладает халькопиритом с высоким содержанием меди и железа, но без других

[132] Есть мнение, что металлоизделия Майкопского кургана имеют скорее иранское, чем шумерское происхождение, а Элам – общий источник, объясняющий параллели между Шумером и Майкопом. Вторая фаза кавказской металлообработки считается современницей Хиссару IIIC, оказавшей влияние и на Закавказье, и на Кубанский бассейн. Один пример металлических артефактов считается имеющим иранское происхождение – ряд втульчатых топоров, классифицированных как тип G. См.: J. Deshayes: *Les Outils de Bronze de l'Indus au Danube,* Paris, 1966. P. 408–409, 414–416.

[133] A.A. Iessen: "The Kuban Centre of Metallurgy and Metal-Working of the End of the Copper-Bronze age", MIA 23. 1951, etc.

[134] I.R. Selimkhanov, "Spectral Analyses of Metallic Articles from Archeological Monuments of the Caucasus", PPS XXVIII, 1962. P. 68–79, etc.

[135] I.R. Selimkhanov, "Was Native Copper Used in Trans-Caucasia in Aeneolithic Times?" PPS XXX. 1964. P. 66–74, etc.

примесей, за исключением следов серебра. Образцы из Армении демонстрируют незначительное количество примесей. Селимханов обнаружил, что мышьяк и сурьма редко встречаются в местной меди Грузии и Артвина. Он утверждал, что в Грузии в энеолитическую эпоху (то есть периоды I и II ранней закавказской культуры) местная чистая медь не использовалась – только сплавы. Однако его утверждения не совпадали с выводами грузинских ученых, у которых было явное преимущество – свободный доступ к собственной территории. Представляется, что различие вызвано скептическим отношением Селимханова к спектрографическому анализу: он считал надежными только количественные методы анализа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.